

«Советский физик» — газета физического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

С 1953 г. выпускается в настенном варианте, с 1998 г. — в настенном, журнальном и электронном (<http://www.phys.msu.ru/rus/about/sovphys/>; <http://www.msu.ru/resources/msu-publ.html>) вариантах.

По материалам газеты выпущен ряд сборников: «Люди физфака», «Проблемы образования глазами «Советского физика»», «Физфаковцы», «Физфаковцы и Великая Отечественная война», «Физфаковцы в комсомоле и ССО» и др.

Главный редактор «Советского физика» К.В. Показеев

М. В. Ломоносов в «Советском физике» По материалам газеты «Советский физик»

М.В. Ломоносов в «Советском физике»

По материалам газеты «Советский физик»

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЗИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

М.В. Ломоносов
в «Советском физике»
По материалам газеты «Советский физик»

Москва
Физический факультет МГУ
2021

М.В. Ломоносов в «Советском физике». По материалам газет «Советский физик» / Под ред. К.В. Показеева. — М.: Физический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021. — 104 с.
ISBN 978-5-8279-0200-3

Сборник составлен из статей, опубликованных в газете «Советский физик» – печатном органе Ученого совета, деканата и общественных организаций физического факультета МГУ.

Издание предназначено для всех интересующихся жизнью и научной деятельностью М.В. Ломоносова, историей Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Рецензенты:

зав. отделением прикладной математики физического факультета МГУ профессор *А.Н. Боголюбов*;

зав. кафедрой магнетизма физического факультета МГУ профессор *С.Н. Перов*

Подписано в печать 11.02.2021.

Формат 60х90/16. Объем 6,5 п.л.

Физический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д.1, стр. 2.

ISBN 978-5-8279-0200-3

© Физический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021 г.

*Посвящается 270-летию
Московского университета!*

НАСЛЕДИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО И ЛОМОНОСОВ
(№1 (142), 2020)

НОВО-ОГАРЕВО, 29 октября. /ТАСС/. Ректор МГУ Виктор Садовничий попросил президента РФ Владимира Путина подготовить указ о праздновании 270-летия университета, которое будет отмечаться в 2025 году.

«Нам скоро 270 лет. И мы готовимся к этому юбилею, мы хотим отреставрировать некоторые здания на улице Моховой, построить новое общежитие. И я набрался смелости попросить вас поручить подготовить указ о юбилее», — сказал он на встрече с главой государства.

При этом Садовничий добавил, что мероприятия, посвященные юбилею университета, планируется проводить с 2024 года. Путин поддержал эту просьбу. «Хорошо», — сказал глава государства.

Уважаемые коллеги!

Поддержим обращение нашего ректора. Этой статьей газета начинает серию публикаций, посвященных 270-летию МГУ.

Главный редактор «Советского физика» Показеев К.В.

— Когда появились ученые и наука в России?

— Наверное, при Петре I.

Такой ответ верен лишь отчасти. Верно, что ученые появились в России благодаря первому российскому императору, но появление иностранных учёных, исследователей, даже крупных — это ещё не рождение отечественной науки как социального института.

«Полтавская баталия», созданная Михаилом Васильевичем Ломоносовым, украшает Главное здание Академии наук в Санкт-Петербурге

Член Парижской академии наук, лично знавший Фонтенеля, Лейбница, Вольфа, одинаково умело владевший топором и искусством политики, ради осуществления великодержавных идеалов не пожалевший родного сына, гладко выбривший русских и обрядивший их в голландское платье, сделавший пленную прачку российской царицей – Пётр I (1672-1725) всеми силами стремился насадить в России просвещение не только потому, что иначе невозможно было укрепить её военную мощь, ускорить промышленное развитие, разведать природные богатства, но и потому, что сам был обуян страстью к наукам и образованию. Он первым из русских царей, взойдя на пре-

стол, совершил путешествие в Европу, где изучал науки, ремесла и устройство научных обществ, академий, университетов, примеряя иностранные образцы к российской жизни, в условиях которой задуманное Петром казалось совершенно невыполнимым.

России, по мысли Петра, нужны были не только рабочие руки, но и инженеры, образованные чиновники и государственные деятели, учителя математики, физики, химии, минералогии и т. д.; наконец, нужны были ученые, которые могли бы развивать уже имеющиеся знания и преумножать их. Пётр всё это понимал, но не было времени ждать, когда появятся свои инженеры, математики, физики. Выход был один: пригласить на работу крупных иностранных специалистов и одновременно направить в европейские страны своих способных молодых людей учиться у тамошних инженеров и учёных.

Так в России (уже после кончины Петра) появились такие выдающиеся учёные, как Даниил Бернулли (1700-1783), Леонард Эйлер (1707-1783), затем Георг Рихман (1711-1753), Франц Эпинус (1724-1802) и др. Работая длительное время в Санкт-Петербурге, они обеспечили начальное развитие российской науки. К этому времени прошел обучение в Германии будущий первый русский академик Михаил Васильевич Ломоносов (1711-1765).

Если в Западной Европе академии наук возникли из неформальных научных сообществ, поначалу лишь время от времени получавших материальную поддержку от властей, то Академия наук, созданная по указу Петра I в Петербурге, и Московский университет, основанный императрицей Елизаветой Петровной, с самого начала были государственными учреждениями. Императорская власть дала России новомодную пищу просвещения прежде, чем она почувствовала голод; и если в других странах образовательные заведения были обязаны своим возникновением, как правило, частным лицам, то в России учебные учреждения были основаны по воле правительства и содержались на его средства.

Петровская Академия создавалась с размахом. Для нее сразу были предусмотрены обширный штат ученых и подручного персонала с высокими жалованиями, свои мастерские, библиотека, типография и обсерватория. Иоганн Бернулли, отправляя сыновей в Петербург, полагал, что «лучше несколько потерпеть от сурового климата страны льдов, в которой приветствуют муз, чем умереть от голода в стране с умеренным климатом, в которой муз обижают и презирают». Позже Эйлер на вопрос прусского короля Фридриха II о том, где он достиг столь обширных познаний, ответил: «Я всем обязан своему пребыванию в Петербургской Академии».

Пётр также возложил на Академию обязанность готовить национальные научные кадры, для этого при ней были учреждены гимназия и университет. Этого в европейских академиях не было. Однако академический университет неоднократно закрывался из-за отсутствия студентов и окончатель-

но зачах в 1766 г. Полноценный университет возник в Петербурге по указу Александра I только в 1819 г.

При Академии в 1725 г. (в это время в ней состояло 17 действительных членов) был создан великолепно оснащенный физический кабинет для экспериментальных исследований, что существенно повлияло на развитие физики и способствовало повышению авторитета России на европейском уровне. Среди иностранных ученых возникла конкуренция за доступ к столь благоприятным для них условиям.

Некоторые влиятельные петербургские академики и глава академической канцелярии И.Д. Шумахер (1690-1761) создавали трудности для работы и продвижения русских научных и педагогических кадров, не давали нормально работать неугодным им ученым, в том числе Бернулли и Эйлеру, которые в конце концов покинули Россию (к счастью, Эйлер после 25-летнего отсутствия навсегда вернулся в Россию в 1766 г.). В Академии бытовало мнение о русском народе как о неспособном к творчеству, мол, «из русских ни учёных, ни художников не может быть». Известно, сколько сил и трудов пришлось потратить Ломоносову на борьбу с этим возмутительным явлением. К тому же в высших слоях российского общества процветало преклонение перед всем иностранным. Поэтому столь патетично звучат знакомые со школьной скамьи стихи Ломоносова, обращенные к молодому поколению России:

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны,
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Но почему Михаил Васильевич употребил слово «показать»? Ведь не к показухе же он призывал! И кому показать? Ответ очевиден – Европе. В самом деле, в первой половине XVIII века Россия еще не заявила о себе как о великой европейской державе (это случилось позже во время Семилетней войны 1756-1763 гг., когда русские войска вошли в Берлин). А великая держава – это не только мощная экономика и сильная армия, но и развитая культура с науками и искусством. Поэтому если у России будут свои великие философы и ученые, архитекторы и поэты, художники и музыканты, то её ни в коем случае нельзя будет считать варварской страной (как полагали на Западе) и она никогда не будет колонией «цивилизованных» государств. Ломоно-

сов это прекрасно понимал. Как и его кумир, Петр Великий. А иначе зачем он под самым носом у Европы среди болот основал великолепный Петербург, построенный как европейская столица?

К счастью, среди академиков было немало истинных рыцарей науки, доставивших Петербургской Академии европейскую славу. В области физики наиболее значительных результатов достигли Эйлер, Бернулли, Рихман, Эпинус, но особенно Ломоносов.

Михаилу Васильевичу были свойственны поэтически-философский взгляд на природу, единый метод ее изучения, восхищение государственными деятелями, искренне радеющими о развитии наук и образования в России, и, наоборот, ярая ненависть к тем, кто стоял на пути у дела русского просвещения. Этот ломоносовский стиль был характерен для многих выдающихся представителей отечественной науки.

С работами первого русского академика были хорошо знакомы Эйлер и французский философ-энциклопедист Дени Дидро (посетивший Россию по приглашению Екатерины II). Благодаря им наследие Ломоносова стало достоянием мировой науки. Эйлер переписывался с цветом научной мысли того времени и пропагандировал работы Ломоносова. А Дидро взгляды русского академика поместил в знаменитую «Энциклопедию», правда, без указания имени их автора.

Когда в европейской науке о свете господствовала корпускулярная теория, Эйлер под влиянием Ломоносова развил оригинальную волновую теорию света, объяснив зависимость показателя преломления от свойств среды, и предложил формулу двояковыпуклой линзы. Также он установил закон сохранения момента количества движения и заложил основы (совместно с Бернулли) механики жидкости и газа.

Рихману принадлежат важные работы по теплофизике. Он дал формулу для определения температуры смеси любого числа жидкостей, экспериментально изучал явления электризации и электропроводности тел, открыл электростатическую индукцию (1748—1751). Рихман дружил с Ломоносовым. Он погиб от удара молнии при совместном с ним исследовании с помощью «грозовой машины» атмосферного электричества.

Но наиболее важные результаты, во многом опередившие свое время, были получены именно Ломоносовым. В работе «Размышление о причинах теплоты и холода» (1744), противореча господствовавшей теории теплорода, он утверждал, что теплота обусловлена вращательным («коловратным») движением мельчайших частиц тела (корпускул). Ломоносов впервые пришёл к выводу о существовании самой низкой температуры (абсолютного нуля) на основе молекулярно-кинетических представлений. Он сформулировал всеобщий закон сохранения материи и движения (1748) и экспериментально опроверг учение Р. Бойля о теплороде. Он задолго до Лавуазье исключил из химии флогистон. Ломоносов разрабатывал общую теорию электричества на

основе движения эфира, обосновал образование атмосферного электричества вертикальными воздушными потоками. Он метко критиковал общепринятую в то время корпускулярную теорию света. С помощью простого опыта он установил, что Луна поглощает «теплотворные» лучи, содержащиеся в солнечном излучении. Наблюдая прохождение Венеры по диску Солнца, он открыл у этой планеты атмосферу. Также Ломоносов описал строение Земли, объяснил происхождение многих полезных ископаемых, создал массу научных приборов и инструментов.

Михаил Васильевич, осознавая невозможность преобразования университета при Петербургской академии, с воодушевлением воспринял намерение фаворита императрицы Елизаветы Петровны Ивана Ивановича Шувалова (1727-1797) содействовать созданию настоящего университета в Москве, написал его проект и стал идейным основателем старейшего в России высшего учебного заведения.

И все-таки даже мощного начального импульса, данного наукам со стороны государства, и титанических усилий «Первого нашего университета» (как назвал Ломоносова А.С. Пушкин) было недостаточно для того, чтобы гарантировать отечественной науке свободное, устойчивое и восходящее движение. Не случайно на смертном одре Ломоносов пессимистически оценивает перспективы дела «приращения наук» в России: «И теперь при конце жизни моей, должен я видеть, что все мои полезные намерения исчезнут вместе со мною».

За четверть века после смерти Ломоносова не было издано ни одного учебника по физике. Только в 1782 г. в программы народных училищ была введена физика, а также были изданы учебники по некоторым областям естествознания. Екатерина II и ее правительство поддержали развитие естественных наук и внедрение их в народное образование главным образом в военно-экономических целях, ведь иначе нельзя было создать армию, способную в изменившихся условиях защищать интересы великодержавной России.

Как правило, в российском государстве грядущая военная опасность или крупные военные неудачи были поводом для пристального внимания властей к состоянию наук и образования. В периоды же относительного затишья случались гонения на университеты как на «рассадники безбожия и революционности», что, конечно, имело место. Но Ломоносов не был ни безбожником, ни бунтарем против власти. Природу он чтит как Творение, Библию – как Закон, а власть российской – как источник Державности.

Ст. преп. КОФ А.Ю. Грязнов

ОТ РЕДАКТОРА «СОВЕТСКОГО ФИЗИКА»

Жизнь, творчество М.В. Ломоносова — постоянная тема газеты «Советский физик».

В предлагаемое читателю издание вошли статьи о М.В. Ломоносове, опубликованные в газете «Советский физик» за период с 2007 г. по настоящее время. Статьи расположены в хронологическом порядке. Статьи различаются по стилю, содержанию, но все они отражают отношение студентов, сотрудников к образу и памяти основателя Московского университета, а также жизнь факультета (и не только!). Большая часть статей была опубликована в канун 300-летнего юбилея

Михаила Васильевича Ломоносова. Ряд статей содержит фрагменты фундаментального труда В.К. Новика «М.В. Ломоносов, личность и образы», статьи писались во время работы над книгой. Автор избрал оригинальный подход к анализу наследия Михаила Васильевича. Новик, основываясь на многочисленных документах, анализирует временную трансформацию образа Ломоносова в обществе, развитие представлений о роли Михаила Васильевича в различных слоях общества и государственных институтах. Такой подход, в силу своей специфики, носит критический характер, но он нисколько не умаляет величие заслуг М.В. Ломоносова. В книге В.К. Новика впервые обосновывается уникальность вклада Ломоносова в развитие самосознания русского народа.

Завершает издание «**М.В. Ломоносов в «Советском физике»**», статья, содержащая фрагменты выступления В.К. Новика на радио в программе «Русский мир». В ней даны ответы на важные вопросы: «В чем непреходящее величие М.В. Ломоносова?» и «Почему Императрица Екатерина Великая, заказав бронзовый бюст Ломоносова, поместила его среди античных героев?».

*Гл. редактор газеты «Советский физик»
К.В. Показеев*

ТРУЖЕНИК О ТРУДЕ
(№1 (54), 2007)

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Каким человеком был Михаил Васильевич Ломоносов? Он не вёл дневника, не оставил воспоминаний. Готовясь произнести посмертное похвальное слово Ломоносову на заседании Конференции Академии наук, Якоб Штелин записал для себя: *«Характер Ломоносова: Физический. Отличался крепостью и почти атлетической силою: например, трёх нападавших на него матросов одолел и снял с них платье. Образ жизни обций плебеем. Умственный. Исполнен страстью к науке: стремление к открытиям. Нравственный. Мужиковат...»* Эта запись – едва ли не единственное, что известно о характере Ломоносова от современников.

Мы предлагаем дайджест статьи профессора психологического факультета МГУ Е.А. Климова «Психологическое знание о труде в сочинениях М.В. Ломоносова» («Вестник МГУ», психологическая серия, 1986, № 3, с. 8-20). Это – попытка хотя бы частично проследить по текстам сочинений Ломоносова его психологический портрет.

Знание о труде в работах Михаила Ломоносова

Е. А. Климов

Достаточным основанием для попытки восстановить представления Михаила Ломоносова о психологических составляющих и факторах труда является уже то, что перед нами признанный основатель и представитель многих отечественных «наук и художеств», начиная от «рудных дел», «первых оснований металлургии» и кончая грамматикой и поэзией. Но есть и другое, особое основание — это своеобразный склад личности самого Ломоносова. Этот склад ставит его на особое место среди людей, мнение которых о труде представляет для нас не только историческую, но и актуальную ценность.

Что же важно для нас в складе личности Ломоносова?

Во-первых, это его широкое понимание труда вообще, как созидательной деятельности в любой области науки и практики. Слова «труд», «трудиться» он применяет и к рудокопу, и к полководцу, и к живописцу, и члену императорской Академии Наук, и к мореплавателю, и т.д. И это отнюдь не от бедности словаря! Лексикон Ломоносова, как известно, богат и разнообразен. Слово его метко и точно и, если нужно, хлётко, и с этими качествами его языка мы далее неволью столкнемся. Но Ломоносов очень последовательно применяет понятие труда именно к процессам и результатам продуктивной, полезной деятельности человека — будь то материальное или духовное производство, обучение людей или упорядочение социальных процессов.

Так, характеризуя сложность задачи подбора («прибирания») оттенков цветов «по произволению художника», он отмечает, что делается это «с великим **трудом**». Характеризуя научный и практический вклад людей в изготовление больших «зажигательных зеркал и линз», он говорит: «Многочисленные ученые, а равно опытные и искусные мастера положили огромный **труд** на их изготовление». Говоря о членах Академии Наук, он отмечает, что «кроме обыкновенных **трудо**в, которые от них полагаются на изыскание новых приращений в высоких науках, должны **трудиться** в наставлении молодых людей».

Во-вторых, это уважительное отношение к человеку как субъекту труда, доверие к его инициативе и интеллекту. Конечно, в необходимых случаях Ломоносов разрабатывает подробные предписания о выполнении каких-либо работ. Но и тогда он сознательно оставляет те или иные стороны труда «на произволение» людей, занятых им. Например: «После обыскания руд при копании непосредственно требуется ям и рудников укрепление и махины для облегчения внутренних работ и для отвращения препятствий..., **которые исправить может без предписания всякий смышленный плотник**». Вот что Ломоносов говорит в связи с инструментами «горных людей»: их «всяк по своему изволению и по рассмотрению места сделать и употреблять может». Завершая речь об укреплении «штольн», он добавляет: «Для прочих малых обстоятельств, при укреплении рудников случающихся, всяк может по состоянию места и твердости горы рассудив, **сам средства выдумать и произвести в дело**».

Такого рода утверждения отнюдь не случайность. Они встречаются в текстах, относящихся к самым разным видам деятельности. Давая подробнейшие рекомендации к снаряжению экспедиции по освоению «Сибирского океана» (Северного морского пути), Ломоносов считает нужным в заключительном разделе отметить: «Сии предписанные для показанного морского путешествия пункты наблюдать господам командирам со всякою исправностию; однако, смотря по обстоятельствам, имеют позволение делать отмены, служащие к лучшему успеху, что полагается на их благорассуждение и общее согласие, которое им паче всего рекомендуется, чтобы единодушным рачением и якобы единым сердцем и душою внимали, прилежали и усердствовали...». Обращаясь к слушателям на публичном собрании Академии Наук, он говорит: «...ежели слово мое где недовольно будет, собственно ума вашего остроотою наградите».

В-третьих, это отношение ко всякому труду «без гнушания», а точнее уважительное отношение ко всякому труду: «...предостеречь мне должно, дабы кто не подумал... якобы я с некоторыми нерассудными любителями одной своей должности с презрением взирал на прочие искусства. Имеет каждая наука равное участие в блаженстве нашем».

Рассуждая о придуманном им оптическом инструменте, Ломоносов среди научных доводов, математических выкладок, аргументов экономического характера вдруг замечает: «Тут не нужно потеть за отливкой огромных стекол и заниматься докучнейшим трудом, полируя их, ибо несколько меньших стекол произведут то же действие». В этом же роде замечание в «Слове о пользе химии»: «природные камни много поту и терпеливости требуют». Тема «пота» всплывает в его сочинениях нередко — надо полагать, академик Ломоносов хорошо знал, что это такое. И в этом, по-видимому, состоит одно из психологических объяснений того, почему уважительное отношение М.В. Ломоносова ко всякому труду является не случайным.

В-четвёртых, сам Ломоносов был «мастером на все руки», который брался и умело завершал самые разнообразные работы. Идет ли речь об «учинении проекта» нового «регламента» Академии Наук или об изготовлении цветного стекла, о написании трагедии по повелению ее императорского величества или о проведении химических, физических опытов, анализах солей, «пробах» руд по «ордеру» академической канцелярии, Ломоносов обнаруживает и глубокое понимание общественного смысла, перспективного значения творимого и дотошность, настойчивость, изобретательность в исполнении дела.

В-пятых, надо сказать о неумной любознательности, необычайной широте и активности интересов Ломоносова. Эта сторона его личности многократно отмечена и общепризнана. Даже при беглом просмотре его «репортов» — отчетов о работе в Академии, видно, насколько разнообразны были виды его занятости:

«...делал опыты, коими оказалось, что цветы, а особливо красный, на морозе ярче, нежели в тепле» — такие опыты теперь посчитали бы психофизиологическими;

«...деланы пробы над присланными из академической канцелярии рудами. Сверх химической моей профессии давал наставления в поэзии студенту Николаю Павловскому»;

«трудился в делании крашенных стекол и в других химических опытах...»;

«начал сочинять трагедию, которую именным Е. И. В. указом сочинять поведено»;

«чинил наблюдения электрической силы на воздухе с великою опасностью»;

«диктовал студентам первые основания физической химии и читал по ним лекции» — сам термин «физическая химия», кстати сказать, принадлежит Ломоносову, а эти лекции были первым в мире курсом нового предмета;

«кроме исполнения по канцелярским ордерам, как например сочинения планов и надписей к иллюминациям, ...читал я студентам лекции по экспериментальной химии»;

«делал разные приготовления и примечания к сочинению “Российской истории”»;

«делал физические опыты для определения градусов теплоты и стужи».

В-шестых, Ломоносову присуща широкая и детальная осведомленность в мире труда. Обсуждая вопросы физики, химии, физической химии, Ломоносов очень часто делает экскурсы в соответствующие области практического труда, обнаруживая дотошное знание подробностей. Описание области труда, даваемое Ломоносовым, оказывается подчас изумительно скрупулезным и многоохватным. Он принимает в расчет и внутреннюю — психологическую — сторону труда, и внешние средства, инструменты, производственные условия. Можно подумать, что он читал современные нам работы по эргономике. Поучительно, что причину необходимости работ по улучшению условий труда Ломоносов усматривает в первую очередь не в выгоде, но в заботе о здоровье людей и их безопасности. Предлагая учитывать закономерности «вольного движения воздуха в рудниках», Ломоносов замечает, что расположение шахт и штолен «по выше показанным правилам» приведет к тому, что «работникам легче и хозяевам безубыточнее». Выгода на втором месте по отношению к мысли о работнике.

«Труждающиеся» у Ломоносова не только совершают рабочие движения, но «рассуждают», «видят», «примечают», проявляют «осторожность», имеют «надежды», «изволение» или «произволение», печалются, радуются, проявляют мужество и т.д. Некоторые разделы его сочинения о «рудных делах» изложены (и даже озаглавлены) буквально в таких терминах, как «осторожность горных людей», «надежды рудокопов», «надежды от положения жил», «надежды от жильных материй» и т.д. Иначе говоря, технология часто изложена как бы глазами человека, непосредственно включенного в труд с его муками и радостями, а не с позиции стоящего в стороне (или «надстоящего») наблюдателя-регистратора.

Наконец, для Ломоносова характерно гармоничное сочетание теоретического и практического творческого ума. Это утверждение едва ли нуждается в специальном обосновании — весь неподдающийся охвату вклад М.В. Ломоносова в отечественную культуру говорит об этом как нельзя более красноречиво.

Зная практический мир труда как немногие из его современников, Михаил Ломоносов проследил и многие его законы так же, как испытывал он физики и химии, горного и стекольного дела, грамматики и стихосложения. Отнюдь не забывал отец российской науки и о том, что в наши дни принято обозначать «человеческим фактором». Это тем более ценно, что писалось все это в условиях сословно-классового общества.

Уже из приведенных выше высказываний Ломоносова ясно, что он четко выделял психологическую — субъективную — сторону труда. Перечислим те особенности психологии труда, о которых сказано в работах Ломоносова.

Во-первых, труд невозможен без смысла, мотивации, стимулирования. Проектируя крупное предприятие (например, освоение «Сибирского океана» или «исправление» Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук), Ломоносов детально разрабатывает систему стимулирования занятых соответствующими делами людей, в частности, способов их «ободрения», «утешения» и т.д. В научных сочинениях, публичных выступлениях, заметках, «мнениях» и разработках Ломоносов неизменно ярко рисует ценностные представления, которые как бы призваны задать мотивационную основу той или иной полезной деятельности. В результате возникает целая система «смыслов» труда. Это и «умножение счастья человеческого рода», и «слава и польза («вечное удовольствие») отечества», и преодоление тягостных состояний («умаление скуки»), «облегчение работ», «отвращение препятствий», в том числе благодаря использованию приспособлений, «махин», удобство и безопасность труда, экономическая выгода, удовольствие («увеселение») от нахождения истины, страсть «насыщать свой дух приятностью самого дела» и многое другое.

Вот ломоносовский идеал труда: «Рассуждая о благополучии жития человеческого... не нахожу того совершеннее, как ежели кто приятными и беспорочными трудами пользу приносит. Ничто на земли смертному выше и благороднее дано быть не может, как упражнение, в котором красота и важность, отнимая чувство тягостного труда, некоторою сладостию ободряет, которое, никого не оскорбляя, увеселяет неповинное сердце и, умножая других удовольствие, благодарностию оных возбуждает совершенную радость».

Во-вторых, труд предполагает волевое усилие человека, совершающего его, и часто невозможен без такого усилия. Так, Ломоносов отмечает: «При искании жил не надлежит скоро от дела отставать, когда оно нескоро до руд дойдет, ежели многие признаки их на том месте показывают». Обрисовав сложность задачи изучения причин происхождения света, М.В. Ломоносов, как бы помогая читателю-исследователю мобилизоваться, восклицает: «Что ж нам оставить ли надежду? Отступить ли от труда? Отдаться ли в отчаяние об успехах? Никак! Разве явиться желаем нерадивыми и подвига... в испытании натуры героев недостойными?» Здесь как бы называется и внутреннее средство волевой мобилизации субъекта труда.

В-третьих, условия и средства труда нельзя создавать, не думая об особенностях психологии людей. Требования профессии к человеку отличаются в работах Ломоносова весьма тонкой нюансировкой в зависимости от специфики деятельности. Вот как обнаруживается указанное обстоятельство, например, в проектах, связанных с освоением Северного морского пути. Ломоносов пишет: «Приуготовляясь к сему важному предприятию, должно рас-

суждать четыре главные вещи особливо: 1) суда, 2) людей, 3) запас, 4) инструменты». Что касается людей, то читаем, в частности, следующее: «Правление сего мореплавания поручить офицеру от флота искусному, бывалому, особливо в Северном море, у которого есть осторожная смелость и благородное честолюбие».

Затем указано, какими знаниями и каким специфическим опытом должны располагать разные участники похода: «...на всяком судне по два или три человека, знающих брать астрономические наблюдения для длины и ширины, в чем их свидетельствовать в Морском кадетском корпусе и в Академии наук», «...взять на каждое судно около десяти человек лучших торосовщиков из города Архангельского, с Мезени и из других мест поморских, которые для ловли тюленей на торос ходят, употребляя помянутые торосовые карбаски или лодки по воде греблею, а по льду тягою, а особливо которые бывали в зимовьях и в заносах и привыкли терпеть стужу и нужду. Притом и таких иметь, которые мастера ходить на лыжах, бывали на Новой Земле и лавливали зимою белых медведей» (так сказать, «тест» на пригодность к предстоящей работе — Е.К.). Далее Ломоносов говорит о необходимости знания некоторыми членами экспедиции языков местных народов, особенно чукотского, и добавляет: «При сем всем смотреть сколько можно, чтобы выбирать людей, которые бы мало причины имели назад оглядываться и попечение иметь об оставшихся домашнихих».

В-четвёртых, сама структура больших вновь создаваемых предприятий должна учитывать психологию трудящихся там людей. В своих проектах Ломоносов умел также учитывать сферу делового взаимодействия людей (социально-психологические явления, как теперь говорят). Соответствующие идеи высказываются Ломоносовым по поводу любого мало-мальски важного дела, будь то проверка кунсткамеры, постройка зданий, работа Академии или работа в лаборатории. Сам Ломоносов относился к работающему человеку с теплотой и доверием, будь то академик или плотник. В «Регламенте» Академии, отметив, что геометр «должен приращениям чинить в чистой высшей математике», Ломоносов указывает и на то, чтобы он старался «о сокращении трудных выкладок, кои часто употребляют астрономы, механики и обще, где в испытании природы и в художествах требуются исчисления. Товарищам своим, кои в других науках упражняются и требуют иногда для поверения выкладки, кои превосходят их силы, может спомогать по-дружески». «Академик, разбирающийся в древностях еврейских, греческих, римских и северных народов... с историографом сносясь, могут подавать один другому доброе взаимное вспоможение».

В заметках для себя Ломоносов пишет: «На людей, имеющих заслуги перед республикой (общим делом — Е.К.) науки, я не буду нападать за их ошибки, а постараюсь применить к делу их добрые мысли». И еще: «Ошибки

замечать не многого стоит; дать нечто лучшее — вот что приличествует достойному человеку».

Итак, Михаил Ломоносов — и исключительный труженик, и глубокий знаток психологии труда, законы которой он учитывал и открывал не ради академических деклараций, а для непосредственного применения в деле. На этот подход к труду стоит и поныне равняться не только профессионалам-психологам-трудооведам, но и всякому сознательно работающему «на результат» человеку.

Подготовлено к печати А. Соболевским

ЛОМОНОСОВ И СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ (№5 (58), 2007)

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Географически лицо России обращено на север. Естественно, что освоение северных морей издавна занимало мысли самых прогрессивных политиков, учёных и путешественников. Первоочередной задачей все видели задачу отыскания Северного морского пути — пути, огибающего с севера Европу и Азию. Этот путь представлялся очень выгодным с экономической точки зрения, и интерес к его открытию начал появляться уже 400 лет назад.

В открытии Северного морского пути ведущая роль принадлежит народам России, которые внесли решающий вклад в изучение полярных и приполярных стран, в развитие ледового мореплавания и судостроения. В 1720 г. Пётр Первый выдвинул проблему Северного морского пути в ранг государственных проблем и приступил к её разрешению. По замыслу Петра Первого уже в царствование Анны Иоанновны была организована Великая Северная экспедиция 1733–1743 гг., одной из задач которой, по словам академика Г. Миллера, было «устройство сообщений по Ледовитому морю, чтобы выяснить, нельзя ли таким образом открыть в интересах торговли более удобный путь на Камчатку, чем длительная сухопутная дорога через всю Сибирь». Отряды Великой Северной экспедиции закартировали всё побережье Ледовитого океана от Белого моря до устья Колымы, что дало возможность россиянам уже в XVII–XVIII веках представлять великий северный водный путь во всём его огромном протяжении от берегов Европы до Камчатки и Китая, хотя на картах западноевропейского происхождения его по-прежнему изображали значительно менее протяжённым, чем это было в действительности.

После Петра I вопросом о Северном морском пути вплотную занялся другой великий русский человек — Михаил Васильевич Ломоносов. То, что именно Ломоносов явился в отношении исследования Северного морского

пути продолжателем Петра I, — не случайность. Гениально одаренный ученый, обладавший ясным практическим умом, Ломоносов был уроженцем Русского Севера. Родина Ломоносова дала много выдающихся полярных мореходов, а из Холмогор — родного города Ломоносова — вышел Федот Алексеев, впервые доказавший существование Берингова пролива, а тем самым и существование сквозного морского пути через Ледовитый океан из Атлантического океана в Тихий. В юности Ломоносов плавал на зверобойных судах в Белом море и часто слышал рассказы поморов об их походах на Новую Землю и зимовках на этом арктическом острове. Слышал он и передававшиеся из поколения в поколение рассказы о смелых плаваниях поморов через Карское море в Мангазею (цент пушной торговли в XVII веке), стоящую на реке Таз, и о бесчисленных плаваниях казаков и торговых людей, большей частью выходцев из Архангельского края, в «Сибирском океане», то есть в море Лаптевых и Восточносибирском море.

Ломоносову было ясно огромное экономическое значение, которое мог бы иметь для России Северный морской путь; было ясно и то, что никто лучше русских, имевших многовековой опыт полярных плаваний, не сможет разрешить эту проблему. «Северный океан, по мнению Ломоносова, есть пространное поле, где усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерною пользою, чрез Изобретение восточно-северного мореплавания в Индию и Америку».

Обстоятельно изучив историю полярного мореплавания и собрав все имевшиеся в то время сведения по физической географии полярных стран, Ломоносов приступает к составлению проекта большой морской экспедиции, которой ставит задачу разрешения вопроса о Северном морском пути. Первое сочинение Ломоносова на эту тему написано в 1755 году и носит название «Письмо о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном». Оно осталось неопубликованным. В сентябре 1763 года Ломоносов представляет в Морскую российских флотов комиссию весьма основательно разработанный проект экспедиции Северным морским путем, озаглавленный «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». Эта одна из наиболее замечательных книг русской полярной литературы была издана лишь в 1847 году Гидрографическим департаментом.

Ломоносов разрабатывает все экспедиции, которые когда-либо проводились, и на основе этих данных выстраивает свой собственный проект прохода северным путём, основанный на глубоких познаниях, личном опыте северных мореплавателей и научных исследований. Ломоносов разрабатывает множество различных навигационных приборов для плавания в разную погоду.

Ломоносов выдвигает попутно целый ряд научных гипотез, которые в большинстве своём впоследствии подтвердились, некоторые только в XX в.

Так, например, он даёт объяснение образованию северного сияния. Описывая морские льды, Ломоносов впервые даёт терминологию полярных льдов, различая три главных вида: сало, ледяные поля и айсберги. Он первый установил, что речные воды, вливающиеся в Северный Ледовитый океан, способствуют усиленному образованию льда в прибрежных районах. В указании что «чем мороз сильнее и далее действует, тем лед становится толще», Ломоносов впервые формулирует зависимость толщины льда от так называемого количества градусо-дней мороза, зависимость, которая впоследствии, главным образом на основании работ советских ученых, нашла себе математическое выражение. Подробно Ломоносов останавливается и на динамике льдов Северного Ледовитого океана, отмечая, что «к движению своему (льды) имеют две причины: первую — течение моря, вторую — ветры». Это положение и в настоящее время является основой всех исследований по вопросу о дрейфе льдов. Ломоносов с изумительной прозорливостью указал, что в открытой части Северного Ледовитого океана дрейф льдов должен происходить в направлении с востока на запад. Правильность этого положения была впервые доказана дрейфами «Жанетты» в 1879–1881 годах и «Фрама» в 1893–1896 годах и позже подтверждена дрейфом «Седова» в 1937–1940 годах. Интересно указание Ломоносова на то, что глубоко сидящие льдины движутся преимущественно под влиянием течения, а более мелкие льдины — под влиянием ветра. Справедливость этого положения была доказана уже в текущем веке многочисленными наблюдениями над движением айсбергов и ледяных полей, поставленными Международной ледовой службой на северо-западе Атлантического океана.

По первоначальному мнению Ломоносова, наиболее лёгкий в ледовом отношении маршрут для экспедиции, которая тогда проектировалась, пролегал от северной оконечности Новой Земли на восток, вдали от сибирских берегов. Ломоносов был, таким образом, сторонником «высокоширотного варианта» Северного морского пути (как его называют теперь), который противопоставляется южному варианту, пролегающему вдоль побережья Северного Ледовитого океана (этим последним вариантом суда пользуются в настоящее время). Мысль о том, что в более высоких широтах льды легче проходимы, чем вблизи побережья Азии, была высказана впервые западноевропейским географом Планциусом, который и посоветовал голландскому мореплавателю Виллему Баренцу, направлявшемуся в 1594 году на поиски Северного морского пути, начать своё арктическое плавание от северной оконечности Новой Земли.

Интересно, что о «высокоширотном варианте» Северного морского пути упоминается и в одной старинной русской рукописи, относящейся к царствованию Алексея Михайловича и озаглавленной «Описание, чего ради невозможно от Архангельского города морем проходить в Китайское государство и оттоле к Восточной Индии». Здесь говорится: «Пишут же землеписатели,

что буде кто не близ берега морем, но далеко в акиане плавати будет, может пройти в Китай».

Насколько среди ученых того времени был популярен «высокоширотный вариант» Северного морского пути, видно из того, что на карте, приложенной к известному сочинению «Собрание путешествий на север» (издано в Амстердаме в 1731 году), изображен именно этот вариант. Весьма обстоятельно Ломоносов разработал вопрос о снаряжении экспедиции. По его мнению, суда для этой экспедиции должны были быть» невелики, легки, крепки, поворотливы». Памятуя, что во времена Ломоносова не было ни ледоколов, ни вообще паровых судов, приходится согласиться, что указанные Ломоносовым качества судов действительно наиболее отвечали условиям полярного плавания. Доказательством этого могут служить плавания северо-западным проходом, по пути, пролегающему из Баффинова залива на запад, вдоль американского материка, или среди проливов Канадского арктического архипелага. Этот путь был пройден всего только три раза, и каждый раз на маленьком, но крепком и поворотливом судне.

Начальство над экспедицией Ломоносов считал нужным поручить «офицеру из флота, искусному, бывалому, особливо в Северном море». Кроме матросов, по мнению Ломоносова, в экспедиции должны были участвовать около десяти поморов-промышленников, «особливо которые бывали в зимовках и заносах и привыкли терпеть стужу и нужду; притом и таких иметь, которые мастера ходить на лыжах, бывали на Новой Земле и лавливали зимо белых медведей».

В случае успешного окончания экспедиции Ломоносов предлагал выдавать матросам жалованье в тройном размере до самой их смерти. Продовольствия должно было быть взято «по малой мере на три года, и чем больше, тем лучше». Не забыл Ломоносов и противочынготные средства, известные в то время: сосновую водку, сосновые шишки, морошку.

В отличие от чиновников, Ломоносов главную задачу экспедиции видел в научных исследованиях Севера. Он предлагает целую программу научных работ, сам делает приборы для рекомендованных им исследований. Однако не все его пожелания были выполнены. Многие посчитали излишним. Так, например, в экспедицию не включили художника, хотя Ломоносов считал, что будет важно зарисовать многое из того, что увидят мореплаватели.

Экспедиция, которая состоялась уже после смерти великого учёного, потерпела неудачу. Дважды отважные мореплаватели пытались прорваться сквозь льды и дважды терпели фиаско. Впрочем, это ни в коей мере нельзя объяснить неудачностью проекта Ломоносова, просто технические средства тех времён не позволяли выполнить столь сложную задачу. Но и тот материал, который сумела собрать экспедиция, оказался весьма богатым и полезным.

Более поздние арктические экспедиции, завершившиеся успешным поиском сквозного Северо-Восточного морского прохода между Азией и Америкой, принесли подтверждение, что «заслуга Ломоносова в истории освоения Северного морского пути заключается не только в том, что он указал на возможность плавания по нему, что одно само по себе было немаловажным вкладом в науку, но и в том, что он впервые это научно обосновал и доказал».

Боярченко Ю. 530 гр.

ВАСИЛЕОСТРОВЦЫ СПАСЛИ ЛАБОРАТОРИЮ ЛОМОНОСОВА (№3 (63), 2008)

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова К 75-летию физического факультета МГУ

2 апреля в Санкт-Петербурге во дворе дома N43 по 2-й линии Васильевского острова была установлена доска с исторической справкой о том, что здесь Михаил Васильевич Ломоносов создал первую в России химическую лабораторию.

В защиту фундамента лаборатории, который должен послужить основой для создания мемориального комплекса, выступали сотни жителей города. В результате принято решение отказаться от застройки этого участка. Во время раскопок, проводившихся на этом месте в 1988–1989 годах, археологи обнаружили хорошо сохранившийся фундамент, а также части кирпичных стен, опоры свода и фундамент изразцово́й печи лаборатории.

Место было «законсервировано». Но вот «Агентство по управлению имуществом Российской Академии наук», государственное учреждение «Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук» и общество с ограниченной ответственностью «Промышленно-строительная компания «Импульс» должны были построить многофункциональный жилой комплекс со встроенными помещениями. Музею Ломоносова отводилось в нем небольшое помещение на первом этаже.

В январе 2006 года Валентина Матвиенко в своем письме сообщила депутату Законодательного Собрания Алексею Ковалеву, что участок, занимаемый фундаментами лаборатории имени Ломоносова, входит в состав зе-

мельного участка под жилое строительство. Авантюрные планы стали известны жителям Васильевского острова, которые начали писать возмущенные письма. Выяснилось, что фундамент лаборатории М.В. Ломоносова включен в список объектов культурного наследия.

В феврале и марте 2006 года от чиновников стали приходиться письма, что сведения о выделении земельного участка для строительства жилого дома на месте лаборатории М.В. Ломоносова — ошибочны. Первые, самые трудные шаги по спасению будущего музея от чиновников и коммерсантов были пройдены. Постепенно удалось приостановить согласование всех предпроектных разработок.

4 июня состоялась акция протеста в защиту сквера и фундамента. А 4 декабря 2007 года исполняющий обязанности председателя комитета по градостроительству и архитектуре А.А. Далматов подписал распоряжение об отмене подготовки проекта планировки и межевания на этой территории. К 2011 году, к 300-летию Михаила Васильевича Ломоносова, на Васильевском острове должен появиться музей первой в России химической лаборатории.

ИА «ИКД»

**ЗА ЧЕСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ,
ИЛИ ОТМОРОЗОК В ПОИСКАХ ЛЕДЯНОЙ СВЕЖЕСТИ**
(№4 (64), 2008)

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

*Гордиться славою своих предков не токмо
можно, но и должно; не уважать оной есть по-
стыдное малодушие.*

А.С. Пушкин

Знаменитый персонаж Михаила Булгакова говорил, что достаточно прочитать пять страниц из любого романа Достоевского, чтобы понять: это писатель. Действительно, настоящего писателя узнаешь сразу, по первым строкам. Если положить, что все люди делятся на писателей и неписателей, то из утверждения Коровьева вытекает обратное: если, прочтя пять страниц, вы не поняли, что имеете дело с писателем, то, значит, вы столкнулись с чем угодно, но не с литературой. Лично мне такая логика представляется спорной в принципе, но справедливой во многих частных случаях.

Недавно в свет вышла книга модного современного автора Александра Никонова «История от замороженных в контексте глобального потепления». М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2007. Буду честен, я не смог полностью прочесть книгу, но все же осмелюсь немного порассуждать.

Во-первых, из самого названия книги, которое перекликается с навязшим в ушах рекламным слоганом «отморозки в поисках ледяной свежести», и её оформления уже можно сделать осторожный предварительный вывод: это явно ненаучное исследование в его классическом понимании (в лучшем случае что-то научно-популярное), с одной стороны, и это ни в коем случае не художественная литература, даже в её беллетристическом виде, с другой. При чтении же убеждаешься в этом всё больше и больше. Постоянно убеждаешься. Язык автора — это не язык научно-популярного журнала или хорошей книги для чтения в дороге, это язык жёлтой газеты. Не буду голословен.

«Многие читали книгу, а ещё больше людей видели фильм (их целых два) или мюзикл по роману Каверина «Два капитана». Очень популярное произведение! Поэтика севера. Покорители Арктики... А если задуматься — чего это вдруг Советская власть так резко взялась покорять севера?? Ну, ясное дело, всякие ископаемые там, Северный морской путь...»

«Ладно, хватит самобичеваний. Поехали лучше в Китай! В Китае хорошо. Там люди ведут наблюдения за погодой уже тысячи лет».

И так далее. Этот тон и стиль были бы хоть как-то извинимы при наличии серьёзных данных и сделанных на их основе выводов. Ни первого, ни второго мне не посчастливилось увидеть, зато я столкнулся с безнравственным снобизмом и крайне низким уровнем культуры. Описывая безусловно варварский факт сожжения Александрийской библиотеки халифом Омаром, А. Никонов в этакой игривой манере, не гнушаясь сленгом обитателей «мест не столь отдалённых», высказывает, по его мнению, гуманную альтернативу уничтожению древних рукописей: «...Эх, лучше бы он велел замочить полгорода, чем сжигать Александрийскую библиотеку!» Возможно, автор увлёкся и вошёл в образ, ибо этот призыв помещён в части с названием «Климатическая криминалистика» (глава вторая «Когда деревья были маленькими»), но Станиславский такое вживание в образ вряд ли одобрил бы.

Но особенно автор преуспел в «разоблачении» Ломоносова вообще и его проекта открытия Северного морского пути в частности. Эти изыски автора особенно актуальны в канун трехсотлетия со дня рождения М.В. Ломоносова. «...Михайло Ломоносов фактически учёным не был, поскольку ничего в науке не сделал. Зато Михайло был толковым администратором от науки и умел добывать деньги. Причём не всегда эти деньги шли на пользу государству российскому. <...> Помимо денег любил Михайло фантастические проекты». Это уже прямое обвинение в воровстве. Автора нисколько не смущает тот общеизвестный факт, что Ломоносов до конца дней жил в бедности и капиталов никому не оставил. Впрочем, для профессионального обличителя это не аргумент, он сразу скажет, что «Михайло» либо клад зарыл, либо миллионы в кабаках прокутил.

А уж голословное утверждение, что Ломоносов ничего не сделал в науке, не выдерживает вообще никакой критики. Если даже не учитывать до-

стижения Михаила Васильевича в других областях, а взять только геофизику севера, то оказывается, что им сделано весьма немало открытий и выдвинуто множество гипотез и теорий, которые подтвердились впоследствии, — некоторые только в двадцатом веке. Ломоносов объясняет происхождение северного сияния, характер образования и дрейфа льдов в Ледовитом океане и пр. (Подробнее об этом можно прочитать в книгах В. Анциферова и В. Визе с одинаковым названием «Ломоносов и Северный морской путь».) Безусловно, эти открытия не столь яркие и не имеют таких важных последствий, как, например, закон всемирного тяготения Ньютона или теория относительности Эйнштейна, но говорить, что их автор не учёный, совесть не позволила бы даже Александру Никонову (имей он совесть!). Скорее всего, он просто не удосужился хоть немного изучить затрагиваемый вопрос, а стремился написать как можно больше сенсационного, то есть налицо недобросовестность.

Под «фантастическими проектами» Никонов подразумевает экспедиции, пытавшиеся открыть Северный морской путь, которые были снаряжены по предложению и в соответствии с инструкциями Ломоносова. Конечно, сегодня совершенно очевидно, что в восемнадцатом веке проект реализован быть не мог по техническим причинам, но тогда знать этого никто не мог, и странно осуждать людей за неудачную попытку сделать важнейшее военное и экономическое открытие. И нельзя говорить, что экспедиции закончились «триумфальным провалом», ибо во время них был сделан целый ряд интересных научных наблюдений. Впрочем, Александру Никонову это совершенно неинтересно. Зато ему интересно выставить Ломоносова подлецом, который сваливает вину на других: «И кому, вы думаете, влетело за провал экспедиции? Чичагову (капитан экспедиции — Ю. Б.), конечно! Ему устроили форменный разнос в адмиралтейской коллегии». Но ведь Ломоносову и не могло «влететь за провал», ибо, когда Чичагов вернулся, Ломоносов уже умер.

А за провалы платят всегда — так и только так может быть устроена жизнь. Чичагову просто не повезло. Впрочем, разнос разносом, а Екатерина II наградила всех участников плавания, так что Никонов и тут краски ступил.

В силу всего вышесказанного вызывает множество сомнений ещё одна история, которую автор рассказывает между делом. Якобы ещё в 1609 (!) году существовала карта российской Арктики, на которой «значились Новая Земля с проливом, устье Енисея, несколько островов в Карском море, западная часть Таймыра и северная оконечность Ямала». Каким же, простите, образом была составлена карта? Предположение о возможности длительного плавания по Ледовитому океану с целью составления карты во времена смуты или ранее представляется настолько бредовым, что даже от «жёлтого» автора не ожидается. Но бумага и правда всё терпит. Вызывает удивление и не-

понимание автором стратегического значения такой карты, если она была: Ледовитый океан надежно прикрывал веками нашу страну с Севера.

Если же ко всему вышеизложенному прибавить полное отсутствие ссылок хоть на какие-нибудь источники, то вывод о степени ценности и правдивости книги напрашивается сам собой. Вероятно, просто отморозенный автор захотел ледяной свежести издательских гонораров. За сенсации платят больше, поэтому можно не погнушаться ложью, клеветой и эпатажем. Ведь деньги, как известно, не пахнут.

Читая Никонова, лишний раз убеждаешься в правоте Михаила Васильевича Ломоносова, говорившего: «Поражаюсь, сколь много может наколобродить свинья, допущенная к древностям российским!»

Студент 430 гр. Боярченко Ю.

НАША ИСТОРИЯ (№9 (69), 2008, фрагменты)

Без памяти нет совести!

А.С. Пушкин

300 лет назад (ноябрь 1708) русские войска под руководством **Александра Даниловича Меншикова** захватили Батурин — резиденцию гетмана-изменника Мазепы, где для шведов были приготовлены большие запасы продовольствия и боеприпасов. А.Д. Меншиков — первый генералиссимус России.

300 лет назад (декабрь 1708) Петр I провел реформу административного управления — разделение России на губернии. Был введен гражданский шрифт. Реформы проводились в условиях войны: лучшая европейская армия — шведского короля Карла XII — напала на Россию.

260 лет назад (23.10.1748) **Михаил Васильевич Ломоносов** основал первую в России химическую лабораторию. Историю о том, как ученые РАН и К⁰ пытались на фундаменте этой лаборатории, включенном в список объектов культурного наследия, построить жилой комплекс, можно прочитать в «Советском физике» № 3(63) 2008.

18 ноября 1748 Михаил Васильевич создал первый в мире анемометр (!) — прибор для определения направления и силы ветра.

225 лет назад (21.11.1783) на воздушном шаре братьев Монгольфье впервые в воздух поднялись люди — физик Ж.Ф. Пилатр де Розье и маркиз Ф.Л. д'Арланд. За 25 минут они пролетели на высоте около 100 м более 12 км.

220 лет со дня рождения Михаила Петровича Лазарева (03.11.1788–11.04.1851), русского флотоводца, адмирала, исследоваеля Антарктики. Участник Русско-шведской 1808–09 гг. и Отечественной 1812 г. войн. Командовал ли-

нейным крейсером «Азов» при разгроме турецко-египетского флота при Наварине (1827). Участник трех кругосветных путешествий. С 1833 г. Лазарев командовал Черноморским флотом и одновременно был военным губернатором Севастополя и Николаева.

Под его руководством было проведено коренное переустройство портов, крепости города были оснащены новейшими системами артиллерии. Лазарев положил начало созданию парового флота. В Лазаревских казармах сегодня расположен Черноморский филиал МГУ. В 1942-1944 гг. в них размещался концентрационный лагерь.

Знаете ли вы, что?

В ноябре 2008 администрация Архангельской области выступила с инициативой по созданию **Северного федерального университета имени М.В. Ломоносова**. Планируется, что в вузе будет идти подготовка студентов по 100 специальностям, число студентов очной формы обучения составит 30 тыс. человек.

«МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ»

(№5 (74), 2009)

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

В.А. Садовничий провел совещание в ВНИИЭМ с заместителем руководителя Роскосмоса А.Е. Шиловым и генеральным директором ВНИИЭМ Л.А. Макриденко. На совещании была достигнута принципиальная договоренность о начале следующего этапа запуска университетских спутников — проекте создания нового спутника «Михайло Ломоносов». Планируется, что его запуск удастся приурочить к 300-летию юбилею великого ученого, который будет отмечаться в октябре 20011 года.

*«Московский университет»,
№19, 2009.*

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ

(№8 (77), 2009)

К 300-летию со дня рождения

Ведущий научный сотрудник доктор физ.-мат наук, лауреат Государственной премии Виталий Константинович Новик написал статью о М.В. Ломоносове.

Статья необычна по содержанию — она посвящена не столько Ломоносову, сколько анализу образов Михаила Васильевича (мифов), которые существовали и существуют в умах сограждан России. Анализируется отношение к образу М.В. Ломоносова различных государственных институтов (власти, православной церкви, органов образования, Академии наук).

С другой стороны, в статье содержится много интересных фактов, которые, вероятно, не знакомы широкому кругу читателей. Например, о том, как отмечались в России ранее даты, связанные с М.В. Ломоносовым.

Надеюсь, что статья В.К. Новика найдет заинтересованных и благодарных читателей.

Для того, чтобы читатели получили представление о содержании статьи, приводим ниже оглавление двух частей статьи и Лирический эпилог, ее завершающий.

Показеев К.В.

Часть I. Личность

Содержание:

Вступление

Кончина и три мнения

Мнение просвещенного слоя и духовенства

Мнение профессоров Академии Наук

Мнение Императрицы и двора

Прижизненная драма

Литература

Часть II. Образы Ломоносова, XVIII–XXI век

Содержание:

Образ национального героя, поэта-патриота

Образ создателя Московского университета

Образ юноши в тулупе, сбежавшего за рыбным бозом в Москву

Образ ученого-энциклопедиста

200-летний юбилей. Образ националиста и проповедника. Закон Ломоносова

Образ Ломоносова и Советская власть

Образ Ломоносова в условиях возрожденного капитализма

Лирический эпилог

Литература

Лирический эпилог

Давайте же, читатель, поставим рядом образы Ломоносова. Будучи оживлены, они бы с удивлением взгляделись друг в друга, не узнавая ни себя, ни своих коллег.

Образ поэта, который писал на малопонятном ныне языке, но оставил несколько чеканных фраз, врезавшихся в память. Поклонимся этому образу. Образ ученого, что «все науки превзошел» и удивил мировые умы своими достижениями. Ну что же, склонимся и перед ним.

Образ создателя Московского университета достоин благодарной памяти, всяческой признательности и монументов.

Образ радетеля земли русской, известный ныне лишь небольшой группе ученых-патриотов. Выразим признательность и ему.

Но все образы этих валяжных особ в париках и камзолах с некоторым недоумением и высокомерием смотрят на образ юноши, который в погоне за знаниями преодолел снежные просторы и который, собственно, явил миру и превзошел известностью их всех.

И если десятки мудрых, высокоученых мужей живописали образы этих напыщенных персон, а сами персоны были известны лишь тысячам, то образ угловатого юноши в тулупе, сбежавшего за рыбным обозом в Москву, созданный скромными авторами детских книг, стал родным и понятным миллионам и миллионам во многих поколениях. Именно этот неугомонный русский отрок пробуждал в юной поросли городов и сёл великие мечты, и именно таким остается Ломоносов в памяти большинства нашей страны.

Счастлива страна, которая может предложить детским взорам и умам безупречный, идеальный образ, зовущий к совершенству человеческой личности!

ВЕЧЕР, ПОСВЯЩЕННОЙ ПОЭЗИИ М.В. ЛОМОНОСОВА

(№3 (80), 2010)

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Михаил Васильевич Ломоносов — великая, знаковая личность российской истории, образования и науки. У многих он ассоциируется с химией и физикой, и, к сожалению, представление о Ломоносове как о многогранном творческом человеке, прекрасном поэте и великом филологе не является широко распространенным. Исправить ситуацию в преддверии 300-летия со дня его рождения призвано было необычное мероприятие — вечер поэзии Михаила Васильевича Ломоносова, проведенный на физическом факультете МГУ в ноябре 2009 года, — особое событие в культурной жизни университета,

позволившее объединить исследователей его творчества, представляющих различные факультеты и разные взгляды на труды и произведения Михайло Васильевича.

Инициатором проведения вечера стал профессор Владимир Ильич Трухин, лично курировавший работу по организации мероприятия и привлечению докладчиков. Владимир Ильич открыл вечер, во вступительном слове указав на яркость и многогранность творчества Михаила Васильевича и переплетение научных и поэтических замыслов Ломоносова (в частности, на отражение физики и астрономии в поэзии Михаила Васильевича). Организацией вечера непосредственно занимались профессор Анатолий Иванович Федосеев, подготовивший замечательный иллюстративный материал по мозаикам Ломоносова, и член Союза писателей, руководитель Литературно-художественной студии физического факультета Юрий Дмитриевич Нечипоренко, который выступил в роли ведущего вечера и в завершении сделал доклад об экспрессии поэзии Ломоносова. В этом докладе вводилось представление об «исторической оптике», в соответствии с которой реформаторскую роль Ломоносова в поэзии XVIII века можно уподобить роли Маяковского в поэзии XX века. Заведующий кафедрой биофизики профессор Всеволод Александрович Твердислов рассказал удивительные вещи о статье в области биофизики, автором которой был Ломоносов: по сути, основатель МГУ предугадал современную теорию распространения нервного импульса! Профессор Виталий Константинович Новик показал, как Ломоносов в своих переводах учебника физики Вольфа сформировал русский язык в области физики и естествознания.

Фрагмент одной из мозаик – «Императрица Елизавета Петровна», 1758-1760 гг.

М.В. Ломоносов

Анна Архангельская

Академии наук мая 26 дня 1761 года»), быть репликой в литературном споре (эпиграмма «Женился Стил, старик без мочи...» написана по поводу дискуссии о словоупотреблении в русском языке) или просто откликом на какую-то ситуацию («Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф, когда я в 1761 году ехал просить о подписании привилегии для Академии, быв много раз прежде за тем же»).

«Малые формы» Ломоносовского творчества, отражающие «поэзию жизни», оказались особенно востребованы самой жизнью. Именно эти стихотворения активно входили в круг чтения широкого демократического читателя XVIII столетия, попадая на страницы массовых печатных и рукописных сборников смешанного содержания. Часто, погружаясь в этот контекст и приспосабливаясь к нему, эти стихи утрачивали указание на авторство и в анонимном виде перепечатывались и переписывались любителями остроумных шуток и забавных анекдотов, подчас весьма и весьма далеких от знакомства с остальной частью ломоносовского поэтического творчества.

Присутствующие на вечере живо интересовались происходящим

Присутствующие на вечере студенты и сотрудники университета живо интересовались докладами, а после вечера между докладчиками и

зрителями завязалась беседа. Вечер поэзии Ломоносова дал импульс научному и творческому сотрудничеству между физическим и филологическим факультетами.

Участники Литературно-художественной студии также не остались в стороне от этого события – лауреаты конкурса, который специально провёл к этому вечеру Клуб Поэзии, прочли на вечере стихотворения о Михаиле Васильевиче и науке и получили призы и грамоты. Приведем стихотворение студентки физического факультета Ксении Птицыной «О Ломоносове»:

О, Русский Север, не твоя ль природа создана,
Чтоб, глядя на тебя, мечтать о вечном?
Твоих могучих валунов задумчивая простота,
Не ты ль вселяешь мысль о бесконечном?
О, белой ночи таинство и чудо,
Раскинутой над Северной Двиной –
Свое величие указывает мудро
Создатель нам всесильною рукой.

Не здесь ли зародиться новой мысли,
Сплетенью дум и разума словам?
И не отсюда ли велику мужу выйти
Во славу своим дедам и отцам?

Вечер поэзии не мог обойтись без стихотворений самого Михаила Васильевича. Участники цитировали выдержки из стихотворений Ломоносова, а студентки филологического факультета Мария Панкратова и Стелла Газихмаева прочитали несколько стихотворений и басен великого поэта и ученого.

Резюмируя, стоит отметить, что вечер поэзии Ломоносова — мероприятие для факультета и университета знаковое и мы рады, что оно прошло именно на физическом факультете, который оказался местом встречи физиков и лириков — ведь сам Михаил Васильевич обнимал в своём творчестве науку и поэзию. Гражданский пафос лирики Ломоносова связан с

Студентка Филологического факультета Мария Панкратова читает стихотворения М.В. Ломоносова

великими преобразованиями, которые были проведены в России XVIII века. Вновь наша страна вступила в эпоху перемен, и привлечение внимания к фигуре Ломоносова позволит увидеть во всём объёме личность творца русской культуры, личность, которая может служить примером нынешним поколениям студентов.

*Дмитрий Ваганов,
директор Литературно-художественной студии
физического факультета*

**М.В. ЛОМОНОСОВ — СОЗДАТЕЛЬ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**
(№5 (82), 2010)

К 300-летию со дня рождения

Приводим отрывок «Образ создателя Московского университета» из книги В.К. Новика «М.В. Ломоносов, личность и образы»

Период затухания известности Ломоносова-поэта совпал с рождением образа Ломоносова как основателя Московского университета. В сентябрьском номере «Московского телеграфа» за 1825 г.¹ было опубликовано найденное П.А. Мухановым письмо Ломоносова к Шувалову. В небольшом письме (два листочка, датированных историками до 19 июля 1754 г.) Ломоносов высказывает мнение о подготовленном Шуваловым доношении в Правительствующий Сенат об «Учреждении Московскаго Университета» и «при оном Гимназии». Журнал призвал «уметь понимать великих людей, ...приучиться судить о них как о необыкновенных явлениях нравственного мира — и тогда только можем оценить их дела, слова, предприятия. Как велик тогда покажется нам Ломоносов!» И читающая публика в последствии с готовностью восприняла это единственное документальное свидетельство, утвердив пером Пушкина (см. выше):

«...Он создал первый русский университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом». Против второй фразы возразить ничего нельзя, но в памяти большинства осталось именно первая.

Университет был учрежден указом императрицы Елизаветы I 12 января 1755 г. и вскоре открыт. Немногочисленные, вскользь высказанные, реплики са-

¹ Московский Телеграф». 1825. № 18. Стр. 131-136; М.В. Ломоносов. ПСС. Изд-во АН СССР. М.-Л. 1957. Т. 10. Стр. 508, 613, 514.

мого Ломоносова о своей роли в этом событии относятся к более поздним датам. Перечислим их.

Добиваясь протекции Шувалова в получении чина вице-президента АН (февраля 14 – апреля 17 1760 г.), среди других аргументов он указывает: «... и прежде сего советы давал о Московском университете...»¹. Через четыре года, в пространной рукописи об истории академической канцелярии, Ломоносов уже называет себя инициатором создания Московского Университета. Уличая в интригах Л.Л. Блюментроста², он писал: «...и Ломоносов, будучи участником при учреждении Московского Университета, довольно приметил в нем нелюбия к российским ученым, когда Блюментрост назначен куратором и приехал из Москвы в Санкт-Петербург: ибо не хотел, чтобы Ломоносов был больше в советах о университете, который и первую причину подал к основанию помянутого корпуса...»³. Последнее утверждение не нашло подтверждения в каких-либо сторонних документах. Часто цитируемый мемуарный источник⁴ вряд ли может считаться надежным в деталях. Автор через 53 года публикует свои беседы 1797-го года с престарелым Шуваловым, имевшие место за несколько месяцев до его кончины.

Исчерпывающе, буквально подневное, собрание документов по истории Московского университета, опубликованное Д.Н. Костышиным, свидетельствует о весьма скромной формальной роли Ломоносова⁵. Укажем также на отсутствие документов, указывающих на интерес Ломоносова к деятельности университета в промежутке 1755–1765 гг. Фактический же, но опосредованный, его вклад в становление университета был крайне важен. Первые русские профессора университетской гимназии (Н.Н. Поповский, А.А. Барсов, Ф.Я. Яремский) были возвращены в академическом университете или при его участии, или имея его как живой пример.

Любопытна эволюция отношения к такому образу в самом университете. В пяти речах, торжественно прозвучавших на полувековом юбилее университета 30 июня 1805 г., имя Ломоносова упоминается лишь в одной, среди «величайших Ораторов и Стихотворцов XVIII века»⁶. Благодарная историче-

¹ М.В. Ломоносов. ПСС. Т.10. Изд-во АН СССР. М.-Л. 1957. Стр. 537, письмо № 64.

² Blumentrost Laurentius, 29.10.1692 – 27.3.1755 гг. Первый Президент Имп. СПб-ой АН. Один из официальных создателей Московского Университета.

³ М.В. Ломоносов. ПСС. Т. 10. Изд-во АН СССР. М.-Л.1957. Стр. 312, § 67.

⁴ И.Ф. Тимковский. Мое определение на службу. Часть 3. Шувалов. «Москвитянин». 1852. Т.5, № 20. Отд. IV «Исторические материалы». Стр. 51-69.

⁵ Д.Н. Костышин. История Московского Университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Сборник документов. Т. I. 1754-1755. Москва. Academia. 2006.

⁶ Л. Цветаев. Слово о взаимном влиянии Наук на Законы и Законов на Науки. На день торжественного Празднования Императорскаго Московскаго Университета, о благополучно совершившемся пятидесятилетии от его основания... в публичном онаго Университета Собрании, июня 30 дня 1805 года. Печатано при Императорском Московском Университете. Стр. 34, 45.

ская память не нашла отражения в этих речах, только раз был упомянут «незабвенный друг просвещения Шувалов», а основное похвальное словоизвержение было адресовано 29-летнему Монарху, при котором «Московский университет, чрез все пятьдесят лет совокупно, не получил толико благотворений, как в благословенное нынешнее царствование Гения на Престоле!». Александр I в новом уставе 1804 года существенно расширил полномочия университета.

Упомянутое письмо к Шувалову далеко не сразу получило отклик в речах ежегодных собраний. Упоминание какого-либо факта канонизировало его, а потому нуждалось в едином устоявшемся мнении. В речах 1826–1829 годов не высказывается мысль об основополагающей деятельности Ломоносова. Лишь в преддверии 75-летия университет повернулся к восстановлению своей истории.

Впервые она вынесена к аудитории в 1830 г. в речах профессора И.М. Снегирева (1793–1868) и молодого М.П. Погодина (1800–1875)¹. В оценке роли создателей университета эти речи, произносимые в одном и том же зале, для одних и тех же слушателей звучали явной разногласицей. Снегирев утверждал, что И.И. Шувалов при составлении плана прислушивался к мнению многих, среди которых наиболее авторитетными были Ломоносов и Г.-Ф. Миллер.

Он же счел необходимым отметить незаметную, но весьма важную роль графа П.И. Шувалова. Граф, известный военный деятель и сенатор, проявил недюжинную придворную ловкость, убедив Императрицу начертать «Быть по сему» на докладе Сената об учреждении Московского университета. Императрица не терпела ответственности, связанной с подписанием докладов и указов, и всеми силами затягивала такие решения. Доклад был подписан в Троице-Сергиевской лавре — туда Двор прибывал на ежегодное молебствование по случаю победы над поляками — 12 января 1755 года, каковая дата и считается днем рождения Московского университета. В XIX веке вклад графа воспринимался более важным, чем труды И.И. Шувалова. И только по этой причине именно граф, а не И.И. Шувалов, изображен на медали векового юбилея университета.

Первое приветствие университету (точнее решению об его создании) провозгласил Г.-Ф. Миллер, заботливо следивший за судьбой указа. С января 1755 г. Академия наук начала выпускать журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих», и уже в февральском номере Г.-Ф. Миллер писал: «... должно почитать за особое щастие наших времен, что мы историю

¹ Речи и стихи произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского Университета, июня 26 дня 1830 года. С приложением краткой годовой Истории онаго. Москва. В Университетской Типографии. 1830. Стр. 54, 55, 121.

нынешнего года можем начать от учреждения в Москве Университета...». Здесь же он дал текст указа Императрицы, подписанный Правительствующим Сенатом 24 января 1755 г.¹

В отличие от Снегирева, исторические свидетельства не отягощали Погодина сомнениями, и, имея перед глазами указанное письмо, он прямолинейно утверждал: Елизавета I основала «в 1755 году Университет Московский на краеугольной мысли Ломоносова, по ходатайству Шувалова».

К тому времени Московский университет мог по праву гордиться множеством своих выпускников, способствовавших силе и славе Отечества на высоких государственных постах. И при всем при том в короткой биографии университета отсутствовала яркая Личность исторических масштабов, Личность, известная стране, которую можно было бы вознести на свои знамена. Первый по значимости Императорский университет обязан нести свою хоругвь. Конечно, на ней должен был быть русский, ученый, из низов, образец жизненного преуспеяния благодаря науке.

Кто сомневается в его имени? Еле заметная черта между «советовал» и «создал» стерта рукой великого поэта.

Торжества столетнего юбилея увековечили образ. «Журнал министерства народного просвещения» донес до всех учебных заведений страны речи «Благодарное воспоминание о Иване Ивановиче Шувалове» С.М. Соловьева и «Воспоминание о Ломоносове» того же М.П. Погодина, произнесенные 12 января 1855 г.² И авторитетом Министерства в умах читателей в образе Ломоносова утверждается мнение Погодина — «тот, кому принадлежит начальный чертеж Московского Университета». Думается, что приведенный документ сыграл в случившемся вторичную роль. В главном стремлении одну и ту же цель преследовали и многолетние усилия «самобытного сподвижника просвещения», и деятельность первого русского университета. И имя Ломоносова в той или иной форме было бы привлечено к истории университета. Найденное письмо лишь конкретизировало эту форму.

Первый памятник Ломоносову в Москве был открыт опять же в университете, у аудиторного корпуса, в знаменательный «Татианин» день 12 января 1877 г. (ст. стиль)³. Этот скромный бронзовый бюст, исполненный скульптором

¹ «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих. Февраль, 1755 года. В Санктпетербурге при Императорской Академии Наук». Стр. 98-104,160,161.

² Журнал министерства народного просвещения, СПб, 1855, часть 85, отд. II, стр. 167-196.

³ Акт московского императорского университета. «Московские ведомости», 13 января 1877, № 10, стр. 4.; Открытие памятника Ломоносову в Москве. «Всемирная Иллюстрация». 1877. Т. 17, № 6. Стр.109,121илл.

С.И. Ивановым и установленный на высоком постаменте, окончательно утвердил сложившийся образ во мнении студентов и общества.

В речи ректора С.М. Соловьева «Воспоминание о Ломоносове» рефреном звучало: «русские люди... думать и чувствовать по-русски... русские интересы... русская история... русская наука».

В 1936 году, в дни празднования 225-летнего юбилея со дня рождения Ломоносова, непреременный секретарь АН СССР Н.П. Горбунов, ранее секретарь В.И. Ленина, предложил в своей речи «присвоить Московскому университету славное имя Ломоносова»¹.

В 1940 году, по случаю 185-летнего юбилея университета, Советское Правительство присвоило первому вузу страны имя М.В. Ломоносова, после чего любые сомнения в сложившемся образе уже были просто не уместны. В наши дни, при подготовке к торжествам, посвященным 250-летию университета, был создан и утвержден (2004 г.) Новый Гимн МГУ, неразрывно и навечно связавший Имя и Университет.

ЛОМОНОСОВ — ЭТО НАШЕ ВСЕ

(№6 (83), 2010)

Теперешнее состояние нашей страны и её культуры говорит о кризисе общероссийского масштаба: цивилизационном кризисе. Подобное случалось и ранее. Предыдущий такой кризис Россия вместе с Европой прошла в первой половине XX века, когда социальные потрясения совпали с научными. Такие совпадения не случайны, так как и то и другое имеет социально-психологические причины. Решая любую задачу – социальную или научную – мы невольно придерживаемся некоторой методологии. Кризис означает, что используемый метод неадекватен стоящим задачам.

Так, инволюция в физике начала XX века имела причиной нарушение преемственности и пренебрежение органикой (онтологическими особенностями) физической реальности.

Да и весь ужасный XX век с его революциями и войнами – это иллюстрация к методологии эмпирицизма, допускающей возможность решения сложной научной или общественной проблемы с помощью прагматического или доктринального подхода, будь то доктрины релятивизма и квантовой статистики или демократии и коммунизма.

¹ Н.П. Горбунов. Михаил Васильевич Ломоносов и русская наука. Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. 1937. № 1. Стр. 11.

Анализируемая нами ситуация в научной и общественной сферах имеет исторические прецеденты, поэтому решение как концептуальных, так и политических проблем следует искать, опираясь на соответствующие слагаемые опыта строителей российской цивилизации и, в частности, основателей Московского университета.

1. О роли российской науки

Становление, организация и само «замышление» московского университета были продиктованы непростыми реалиями Европы тех лет. В силу особого геополитического положения России развитие естественных и гуманитарных наук было обязательным условием её цивилизационно-культурного сохранения. И вопреки мифологемам наивных отечественных либералов на пороге истощения природных ресурсов и эрозии культурных ценностей всех уровней данный принцип сохраняет своё стратегическое значение.

Разумеется, на исходе XX века характер стоящих перед нами задач иной. Ясно также, что в ближайшем будущем, при умирающей промышленности невозможна «экономизация» ни прикладной науки, ни тем более – фундаментальной. Тем не менее вторая из них, будучи необходимым условием развития первой, является одновременно единственным инструментом, с которым следует связывать надежду на рациональное разрешение судьбоносных для страны мировоззренческих, политических и экономических вопросов.

К сожалению, современная фундаментальная наука оказалась не на высоте стоящих перед страной задач. Наука в России перестала быть частью исторического самосознания народа. Более того, метафизическая сырость, которой тянет от нашей любимой науки, играет не последнюю роль в иррационализации массового сознания. Достаточно вспомнить большой взрыв, из ко-

того «торчат уши Ватикана» или кротовые норы, которые намереваются пройти наши ведущие космологи.

Насильственное или невольное умерщвление российской фундаментальной науки, как, впрочем, и навязчивое «воцерковление» постсоветской атеистической России (и самой физики) следует расценивать как примеры политической и интеллектуальной близорукости. Духовная опора России в прошлом и тем более в будущем – системное материалистическое мировоззрение, формируемое при активной совместной деятельности работников общенародной науки и народного образования.

Основатели Московского университета имели интуитивное, но исторически адекватное представление об онтологии общества и государства. Оно и позволило им сохранить Россию и заложить основы государственной науки. Комплексный характер стоящих перед нами задач требует уже не интуитивных, но строго научных подходов. Применим таковой к «нашим проблемам».

2. Наше наследие

В наши дни наиболее развитые разделы теоретической физики оказались поражены иррационализмом. Ведущие учёные полагают невозможным понять открываемые закономерности и отдают предпочтение инструментальной стороне процесса познания. В итоге физика приобретает черты магического знания. Таково мнение её крупных авторитетов, например, М.А. Маркова и М. Гелл-Манна. Студенты об этой стороне физики говорят: «Мы вначале не понимаем, а потом привыкаем...».

Концептуальные трудности современной физики связаны с тем, что методологическое содержание работ классиче-

ской школы физиков, в том числе российских, не стало усвоенным достоянием науки. Системный подход практически не представлен в современной физике. Последний крупный учёный, который сознательно придерживался его в XX веке, – это П.Н. Лебедев, умерший в 1912 г. Начало применению этого метода в российской физике положил Георг Бильфингер. Его последователями в вопросах методологии были также М.В. Ломоносов, А.Г. Столетов и Н.А. Умов, заслуги которых перед мировой наукой общеизвестны.

Данный подход запрещает учёному использовать без оснований метафизические понятия при построении физического знания или ипостазировать инструментальные средства описания объективной реальности. К числу та-

ковых следует отнести представления об электрическом заряде, силах притяжения, гравитационной массе и потенциальной энергии, представления о дискретности и дуализме микромира и т.п. Ломоносов иронично называл электрический заряд «элементарный огонь аристотельской» и в спорах по данному вопросу с Францем Эпинусом доходил до рукоприкладства. И было за что! До наших дней природа заряда остаётся тайной. А ведь дело не в заряде, дело в методе.

Что касается глюонных подходов и конфайнмента, то не совсем понятно, а в чём, собственно, проблема? В учебнике физики П. Страхова 1810 г., изданном в Типографии Московского университета, по данным вопросам сказано следующее: «Предложения, приписывающие причину сцепления цельных частей в телах клейкой некоей влаге или взаимным переплетением частиц, не требуют пространственных возражений; неосновательность их очевидна». Да и тот же Ломоносов прозорливо писал о природе физических взаимодействий: «Коль велико давление эфира, видно по железной проволоке».

3. Феномен Ломоносова и наши задачи

Когда мысленно обращаешься к личности и научному наследию Ломоносова, не оставляет ощущение чуда. В.И. Вернадский об этом писал: «Ещё в 1731 г. Ломоносов был полуграмотным крестьянином, через десять лет он стоял... в передовых рядах человечества. Научный вклад его в геологию, физику и химию огромен. В частности, в Ломоносове мы имеем создателя русского научного языка», – пишет далее В.И. Вернадский. В другой своей работе он признался: «В его идеях и направлении его работ мы встречаем чрезвычайно часто и чрезвычайно много предугадываний, предвидений, перед которыми останавливается в раздумье и изумлении наш ум». Беру на себя смелость утверждать, что некоторые из его предвидений опередили и наше время: природа света, силы связи в твёрдом теле, причины вращения планет. Что касается физики планет, то позиция Ломоносова по данному вопросу получила в последние годы неожиданное подтверждение, причём – символично – именно на примере Венеры, атмосферы на которой он и открыл.

Между тем, его беспрецедентная продуктивность в научной сфере (несмотря на краткость жизненного пути и болезненное пристрастие к вину) закономерна. Разгадка поразительных научных успехов Ломоносова – в его методе. Если кратко сформулировать забытые, но не утратившие своей актуальности онтологические основания метода Ломоносова, они суть следующие: материализм, близкодействие, космогонический и физический эволюционизм. В истории физики имеется одна тема, ускользнувшая от внимания наших методологов, – тема герметизма. Она требует отдельной статьи, здесь замечу лишь, что, будучи учеником Христиана Вольфа, избежавшего опасности увлечения иррациональным герметизмом, под влияние которого подпал

даже Ньютон, Ломоносов невольно перенёс в Россию традицию европейского рационализма.

Эти, казалось бы, отвлечённые понятия явились фундаментом того, что мы называем «феноменом Ломоносова». К сожалению, фактически с середины XIX века метод Ломоносова остаётся «недоступен» для физиков. Мы убедимся в этом на некоторых примерах.

Обращаясь к таким понятиям, как силы притяжения и таинственная потенциальная энергия, мы пренебрегаем связностью мира, его системностью. Против первого активно возражал Ломоносов. Он писал: «Притяжение есть то же, что воля бога...». Будучи сторонником кинетической природы тяготения и электричества, в самой идее сил притяжения он справедливо усматривал противоречие с законом сохранения движения. В начале XXI века имеются все основания признать, что он оказался прав. Именно объективизация и абсолютизация силы «притяжения» ответственны за вириальные парадоксы и «тёмные материи» в космологии.

Это не означает, что использование таких абстрактных (по существу, математических) понятий, как поле, силы притяжения и потенциальная энергия не продуктивно. Их применение позволяет аналитически сформулировать некоторые правила динамики, полезные на практике. Однако надо представлять себе всю условность этих метафор. Следует, например, помнить, что нет ничего в динамике такого, чего бы не было ранее в кинематике. За динамическими, по видимости, отношениями скрываются кинематические процессы в материальном эфирном турбулентном континууме, где единственной «силой» оказывается сила давления или «толкания», по Ломоносову.

4. О программе вообще

Как писал Михайло Ломоносов И.И. Шувалову в аналогичной ситуации, «принимая смелость предложить моё мнение» о программе выхода из кризиса «кратко вообще».

Мы способны восстановить прерванное революцией развитие рационалистической физики, свободной от наивной позитивистской метафизики. С этой целью следует остановиться в непродуктивных космологических спекуляциях и экспериментах по физике высоких энергий, требующих строительства и эксплуатации монструозных установок, непосильных уже для всего человеческого сообщества, и задуматься о таких обязательных для науки вещах, как онтология и методология. Пришло время вернуться к рациональному, не кварковому, рассмотрению структуры базовых элементарных частиц. Пора, наконец, вспомнить, что полвека назад Роберт Хофштадтер получил уникальные экспериментальные данные по структуре нуклонов (тем более, что БАК остановился, и надолго).

Опираясь на достижения материализма, в частности на его теорию познания, нам удастся не только провести реконструкцию истории физики, но и

построить нормативную методологию. В своей основе она будет соответствовать базовым онтологическим представлениям о материальной реальности, выверенным по Ломоносову и Лебедеву.

В этом отношении мы должны осознать себя детьми российской цивилизации, располагающими бесценным методологическим наследием. Мы стоим на плечах таких системно мыслящих гигантов, как основатель социологии П.А. Сорокин, философ В.В. Розанов, экономист Н.Д. Кондратьев, химик Д.И. Менделеев, кристаллограф Е.С. Фёдоров, эволюционист С.В. Мейен, физики от М.В. Ломоносова до Н.А. Умова.

Будущее науки как социального института зависит от её продуктивности. В случае физики надежды в этом вопросе можно связывать с новыми результатами в области энергетики элементарных частиц, познания природы гравитации и её освоения. Однако имеются серьёзные основания полагать, что эти результаты недоступны для статистических и релятивистских подходов. Их возможности уже исчерпаны.

*В.В. Низовцев, доцент, факультет почвоведения
(выпускник физфака 1966 г.)*

М.В. ЛОМОНОСОВ В МОСКВЕ¹

(№7 (84), 2010)

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Имя выдающегося русского ученого-просветителя, первого российско-го академика Михаила Васильевича Ломоносова в истории Москвы навсегда связано с открытием в 1755 году первого в России Московского университета. Впервые М.В. Ломоносов вступил на московскую землю в 1730 году. Сын поморского крестьянина В.Д. Ломоносова был вполне официально отпущен в Москву сроком на год под поручительство соседей. В волостной книге для записей поручителей в платеже податей за отлучившихся из Куростровской волости Архангельской губернии об этом свидетельствует специальная запись: «1730 года, декабря 7-го дня отпущен Михаил Васильевич Ломоносов к Москве и к морю до сентября месяца предбудущего 1731 года, а порукою по нем в платеже подушных денег Иван Банев расписался». Правда, впоследствии, вплоть до 1747 года, М.В. Ломоносов числился, согласно этому документу, в бегах и подушную подать за него платила вся Куростровская община. Объясняя этот казус, один из первых биографов М.В. Ломоносова Я. Штелин предполагал, что Ломоносов ушел из дома без разрешения отца, который лишь позже узнал, где находится его сын, и настаивал на его возвращении

¹ Статья дана с незначительными сокращениями — Гл. редактор.

домой. Очевидно, что к замыслу Ломоносова оставить дом многие из его земляков отнеслись сочувственно, так как не только способствовали ему в получении паспорта, но и поручились за него (Банев — сосед Ломоносовых), снабдили тремя рублиями денег и «китаечным полукафтanjem» (Ф.И. Шубной).

В Москву Ломоносов пришел с рыбным обозом из Архангельска, уговорив караванного приказчика взять его с собой. Первую ночь в Первопрестольной он проспал в саях-розвальнях у рыбного ряда. В Москве у юного помора не было ни одного знакомого человека. Однако на рынке Ломоносов познакомился с приказчиком Иваном Дутиковым (также помором по происхождению), покупавшим рыбу. Тот взял его к себе и отвел для житья угол в комнате слуг господского дома.

В Славяно-греко-латинскую академию Ломоносов попал по протекции караванного приказчика, который воеводил знакомство с неким монахом из Заиконоспасского монастыря. Монах этот часто навещался в гости, и на второй день пребывания обоза в Москве Ломоносов был ему представлен. Караванный приказчик рассказал о судьбе и о чрезмерной охоте молодого помора к учению и просил приятеля постараться, чтоб приняли его в Заиконоспасское училище. Монах взял это на себя. Возможно, что по совету Ломоносов поступил в учение, скрыв свое крестьянское происхождение, представившись сыном дворянина.

Подлог, впрочем, довольно быстро открылся, и будущий академик был подвергнут допросу. Результаты этого расследования, к сожалению, до нас не дошли, а сам факт такового известен нам со слов самого Ломоносова. Вторично он скрыл свое происхождение, назвавшись сыном священника, когда хотел отправиться в Оренбургскую экспедицию И.К. Кириллова. И вновь он был подвергнут допросу с пристрастием. На нем он рассказал, что «рождением де он Михайло Архангелогородской губернии, Двинского уезду, дворцовой Куростровской деревни, Василия Дорофеева сын, и тот де ево отец и по ныне в той деревне обретается с прочими крестьянами и положен в подушной оклад. А в прошлом 1730 году декабря в 9-м числе с позволения оново отца ево отбыл он, Ломоносов, в Москву, о чем дан был ему и пашпорт (которой утратил он своим небрежением) с Холмогорской воеводской канцелярии за рукою бывшего тогда воеводы Григорья Воробьева; и с тем де пашпортом пришел он в Москву и жил у подъячего Сысского приказу Ивана Дутикова с генваря до последних чисел 1731-го году, а до которого именно числа — не упомнит. И в тех де числах подал он прошение Заиконоспасского монастыря архимандриту Герману, дабы принят он, Ломоносов, был в школу. По которому ево прошению он архимандрит ево Михаила приняв приказал допросить и допрашивал: а тем допросом в Академии показал, что он Ломоносов города Холмогор дворянской сын. И по тому допросу он, архимандрит, определил его Михаила в школы... А в экспедиции с статским советником Иваном Кирилловым пожелал он Михайло ехать самоохотно. А что он... сказался поповичем, и то учинил с просто-

ты своей, не надеясь в том быть притчины и препятствия к произведению во священство; а никто ево Ломоносова, чтобы сказаться попovichем, не научал. А ныне он желает по-прежнему учиться во оной же Академии. И в сем допросе сказал он сущую правду без всякия лжи и утайки; а ежели что утайл, и за что учинено б было ему Ломоносову, что Московская Синодального правления канцелярия определит».

В стенах Славяно-греко-латинской академии Ломоносов пробыл без малого 5 лет (с января 1731-го по ноябрь 1735 года). За эти годы он дошел до класса философии, т.е. в течение 4–5 лет прошел курс, на который обычно затрачивалось 7–8 лет. Как и о предшествующем периоде его жизни, об этих годах имеется сравнительно мало сведений. Все же мы знаем, что Ломоносов очень много работал, причем одновременно в разных направлениях. По тем сведениям, которые дает Я. Штелин, Ломоносов, после того как изучил латинский язык настолько, что мог уже на нем сочинять небольшие стихи, стал учить греческий. Он не довольствовался тем, что получал на занятиях, и много времени проводил в монастырской библиотеке,

Живым свидетельством того, как напряженно и в каких тяжелых условиях учился Ломоносов в Москве, служит его письмо к И.И. Шувалову от 10 мая 1753 года «Обучаясь в Спасских школах, — пишет Ломоносов, — имел я со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели. С одной стороны, отец, никогда детей, кроме меня, не имея, говорил, что я, будучи один, его оставил, оставил все довольство... С другой стороны, несказанная бедность: имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другие нужды, Таким образом жил и пять лет и наук не оставил».

2 января 1736 года он в числе двенадцати студентов Славяно-греколатинской академии, которые, по словам архимандрита Спасского монастыря, были «остроумия... не последнего», прибыл в Петербург. Здесь он пробыл меньше полугода, но, очевидно, успел за это время обнаружить свои способности к наукам, потому что попал в число трех студентов, которых направляли в Фрейбург (Германия) для изучения горного дела.

Обратно в Россию он вернулся лишь 8 июня 1741 года. В Первопрестольную же в следующий раз М. В. Ломоносов попал лишь в 1753 году, будучи уже академиком Санкт-Петербургской академии наук. Предыстория этого визита такова. Всерьез занявшись вопросами изготовления мозаичного стекла, в августе 1751 года Ломоносов решился представить императрице Елизавете Петровне первые пробы мозаичных составов. Ученый просил своего покровителя И.И. Шувалова похлопотать за него, чтобы ему удобнее и свободнее было «производить в действие» его «в науках предприятия». Речь шла о выделении средств для организации производства смальты. Представленные государыне пробы произвели на нее благоприятное впечатление, и Ломоносов занялся со-

ставлением мозаичного образа, который был 4 октября того же года поднесен императрице. Образ был «составлен с оригинала славного римского живописца Солимена; всех составных кусков поставлено больше четырех тысяч, все его руками; а для изобретения составов делано 2184 опыта в стеклянной печи».

Успех этих первых опытов позволил М.В. Ломоносову просить 24 сентября 1752 года академическую канцелярию дать ему учеников для обучения мозаичному делу. Канцелярия не замедлила распорядиться о прикомандировании к нему двух студентов. Но Ломоносову этого было мало, и 25 сентября 1752 года он подал «всенижайшее предложение об учреждении здесь мозаичного дела». В этом предложении он просил дать ему уже шесть учеников и выделить особый дом из числа конфискованных правительством, а на содержание всего заведения отпускать ежегодно 3710 рублей. Ломоносов уверял далее, что если будут изготавливаться «на продажу мозаичные столы, кабинеты, зеркальные рамы, шкапулы, табакерки... домашние уборы и галантереи, то будут сии заводы сами себя окупать и со временем приносить прибыль... Сие все имеет служить к постоянному украшению церквей и других знатных зданий, а особливо к славе Ее Императорского Величества».

Однако Правительство не утвердило этот проект. Но Ломоносов не собирался сдаваться. Напротив, через некоторое время он вновь подал в Сенат прошение, в котором просил правительственного пособия для устройства «фабрики делания изобретенных им разноцветных стекол...» в селе Ополье Копорского уезда, «где мужеского пола около 200 душ имелось, с принадлежащими угодьями, и потому крестьянам быть при той фабрике вечно и никуда их не отлучать». На этот раз Сенат нашел ходатайство академика заслуживающим внимания и подал Государыне доклад о возможности предоставления Ломоносову искомого села для «заведения вышеобъявленной нужной государству фабрики, со всеми к тому селу принадлежащими угодьями... дабы он, Ломоносов, имея в том твердую надежду и проча ее себе и потомкам своим, мог тому своему художеству... находящихся в оном селе молодых людей совершенно обучить...».

Тон и содержание этого доклада указывали на долженствующий последовать благоприятный отзыв императрицы. Но принятие решения почему-то застопорилось. Ломоносов решил лично обратиться к государыне с прошением, а для этого ему нужно было ехать в Москву, куда незадолго перед тем опять отправился весь двор. Пришлось просить об отпуске президента Академии наук Шумахера. В силу различных обстоятельств Ломоносову в этом было отказано. Не желая отказываться от своего демарша, Ломоносов обратился тогда к главноначальствовавшему в Петербурге М. Голицыну. Эта попытка удалась, и паспорт на проезд в Москву был получен из сенатской канцелярии.

Собственно говоря, этот паспорт и позволил М.В. Ломоносову побывать в Первопрестольной еще раз в марте 1753 года. 15 марта он был на аудиенции у Елизаветы Петровны и получил-таки «Именное повеление», даровавшее ему и

его потомкам для работ на фабрике в Копорском уезде из Коважской мызы от деревни Шишкиной 136, из деревни Калиш 29, из деревни Усть-Рудиц 12, от мызы Горья Валдой из деревни Перекули и Липовой 34 — всего 211 душ со всеми к ним принадлежащими по описным книгам землями. Это и означало, по сути, рождение в России новой отрасли — стекольного и мозаичного производства. Кроме этой официальной миссии, М.В. Ломоносов в Москве, по мнению ряда его биографов, уже тогда присматривал место, где могло бы разместиться еще одно его будущее детище, а именно Московский университет. Идея создания Московского университета родилась у него в конце 40-х годов XVIII века, когда, войдя в число действительных членов Санкт-Петербургской академии наук, он стал вынашивать замыслы реорганизации ее управления. Дело в том, что Академия наук, ставшая крупным научным центром Европы благодаря собранному в ней блестящим иностранным ученым, мало заботилась о создании самостоятельной российской науки. Ломоносов предпринимал энергичные меры к устранению этого серьезного недостатка, уделяя особое внимание академическому университету и гимназии. Однако во всех его организационных начинаниях в этой области ему приходилось сталкиваться с многочисленными препятствиями, чинимыми придворными и академическими кругами. Во многом эти обстоятельства послужили толчком к тому, что Ломоносов стал все более склоняться к идее создания нового высшего учебного заведения вне стен Академии наук и вне Санкт-Петербурга вообще. Решающее значение в выработке проекта создания подобного учебного заведения сыграли контакты М.В. Ломоносова с известным государственным и общественным деятелем елизаветинской эпохи, камергером И.И. Шуваловым.

О спорах между Ломоносовым и Шуваловым относительно основания Московского университета нам известно очень немного, Тем не менее есть свидетельства того, что именно Шувалов первым высказал идею о переносе университета в Москву, подальше от столичной суеты, чиновничьего произвола и придворных интриг,

Один из первых выпускников Московского университета И.Т. Тимковский, которому довелось быть свидетелем некоторых подобных споров, вспоминал, что М.В. Ломоносов тогда много упорствовал в своем мнении и хотел устроить новый университет в Москве по образу и подобию Лейденского университета (Голландия), одного из старейших в Европе. Шувалов же резко возражал против, как он выразился, «вольностей европейской университетской жизни», под которыми он разумел университетскую автономию. Несмотря на эти разногласия, в результате споров и переговоров, в 1754 году на свет появилось письмо М.В. Ломоносова, адресованное И.И. Шувалову, в котором был начертан план будущего устройства Московского университета. Впервые это письмо было опубликовано в 1825 году и с тех пор занимает неизменно почетное место во всех собраниях сочинений великого русского просветителя. В письме перечисляются следующие преимущества Москвы для устройства университета: 1) большое

число дворян и разночинцев, живущих в Первопрестольной и могущих стать потенциальными студентами; 2) более дешевый, по сравнению со столицей, уровень жизни, что уменьшает затраты на создание нового учебного заведения; 3) обилие родственников и знакомых у студентов и учеников, что облегчает им бытовые трудности, связанные с учебой; 4) большое число домашних учителей и репетиторов, которые работают в дворянских семьях и могут облегчать студентам тяготы учебы; 5) географическое положение Москвы в центре России, что облегчает путь к ней всех желающих учиться в университете.

В состав нового университета, по мнению М.В. Ломоносова, должны были входить три факультета: философский, юридический и медицинский. На юридическом факультете по плану присутствовали кафедры: всеобщей юриспруденции, российской юриспруденции и политики. На медицинском факультете — кафедры химии, натуральной истории и анатомии. Философский факультет в первоначальном варианте включал шесть кафедр: философии, физики, оратории, поэзии, истории и геральдики. При университете планировалось открыть гимназию, призванную готовить студентов для университета.

Из воспоминаний того же Тимковского известно, что изложенный в письме Ломоносова проект горячо обсуждался им с Шуваловым, в результате чего туда были внесены некоторые изменения. Они касались числа профессоров, структуры факультетов и сумм, необходимых на организацию университета. А С. Шевырев в своей «Истории Императорского Московского университета» приводит свидетельства о том, что М.В. Ломоносов приложил руку к черновому варианту «Доношения об учреждении в Москве университета и двух гимназий», которое было подано от имени камергера Ее Императорского Величества Ивана Ивановича Шувалова в Правительствующий Сенат с развернутым планом создания университета, который, по сути, повторял план Ломоносова, известный нам по письму.

19 июля 1754 года (по старому стилю) Правительствующий Сенат утвердил этот документ, после чего вопрос об открытии университета перешел в практическую плоскость. Начались поиски необходимых для нового учебного заведения помещений в Москве. Несмотря на то, что в своих беседах с Шуваловым М.В. Ломоносов рассматривал в качестве возможных мест строительства здания для университета Воробьевы горы, либо район Красных ворот, указом императрицы Елизаветы Петровны от 8 августа того же года университету было передано здание «Аптекарского дома» у Воскресенских ворот на Красной площади. Ныне на месте этого дома находится Государственный Исторический музей.

К моменту передачи «Аптекарского дома» под нужды университета в нем располагалось московское отделение Штатс-коллегии, хранившей в своих подвалах около 80 пудов медных денег, собранных в 1754 году с москвичей в качестве налогов. Большую техническую и организационную

проблему представляло собой перемещение и организация охраны этих ценностей. Здание было не приспособлено для обучения, и его приведение в соответствующее состояние было поручено архитектору Д.В. Ухтомскому. На ремонт было ассигновано 1000 руб.

12 января по старому стилю (25 января по-новому) императрица Елизавета Петровна подписала Указ об основании Московского университета и утвердила «Проект организации Московского университета и гимназий при нем». Однако потребовалось почти полгода, прежде чем университетские аудитории приняли первых студентов. Прежде всего, обнаружилась катастрофическая нехватка как профессоров, так и студентов для вновь открывшегося учебного заведения. Если дефицит преподавательских кадров решался уже привычным для академической жизни России того времени способом — приглашением иностранных профессоров, то первый набор студентов (всего 16 человек) почти полностью состоял из бывших учеников Славяно-греко-латинской академии.

С тех пор прошло более 250 лет. Существенные изменения претерпел государственный строй России, политическое, экономическое, социальное устройство ее жизни. Однако при всех изменениях отечественной истории Московский университет продолжал и продолжает работать на благо нашей страны. Естественно, что многое изменилось и в организации, и в структуре самого Московского университета. В 1803 году вместе с первым уставом в жизнь Московского университета навсегда вошли принципы университетской автономии. Несмотря на то, что в разные периоды истории понимание университетской автономии толковалось по-разному, эти принципы и сегодня определяют всю внутреннюю организацию жизни Московского университета. Ныне преподавательскую деятельность в стенах Московского университета ведут не 10, а 6000 профессоров. Общее число студентов университета в начале XXI века составило 31 000 человек. Вместо трех факультетов в составе Московского университета ныне работает уже 40 факультетов, 13 научно-исследовательских институтов и научных центров и 4 учебно-научных музея, в которых также ведется педагогическая работа. За время своего 250-летнего существования Московский университет выпустил около 200 000 специалистов в различных областях науки, культуры, государственного управления и народного хозяйства.

Московский университет всегда чтит память своих основателей, и особенно М.В. Ломоносова. Еще в 1825 году студенты и профессора Московского университета выступили с идеей об увековечении памяти великого русского просветителя. Была объявлена подписка на сооружение памятника. Тогда было собрано всего 500 руб., что было явно недостаточно для установки монумента. Вторично мысль о памятнике М.В. Ломоносову возникла в связи с ломоносовским юбилеем в 1865 году. После получения соответствующих разрешений был возобновлен сбор средств. В итоге к 1871 году удалось собрать около 3000 руб. Этих денег едва хватило на то, чтобы по проекту скульптора С.И. Иванова

отлить небольшой бюст Ломоносова, который в торжественной обстановке был открыт во дворе Аудиторного корпуса Московского университета 12 января 1877 года. Этот бюст был установлен на четырехметровый чугунный постамент с надписью «Ломоносову Московский университет. 1876».

Ныне на том месте стоит другой памятник М.В. Ломоносову. Дело в том, что в ходе бомбежек Москвы, которые проводила немецкая авиация в самом начале Великой Отечественной войны, здание университета сильно пострадало. 31 октября 1941 года фугасная бомба разорвалась во дворе университета, сильно повредив ограду и стеклянный купол Аудиторного корпуса. Возникло серьезное опасение за судьбу монумента М.В. Ломоносову. Его было решено перенести в здание клуба МГУ (ныне храм Мученицы Татианы), где он поныне и находится.

Сразу же после окончания Великой Отечественной войны на месте прежнего памятника во дворе Аудиторного корпуса был воздвигнут временный монумент Ломоносову работы скульптора С.Д. Меркурова. Этот монумент в канун фестиваля молодежи и студентов, проходившего в Москве в 1957 году, был заменен на современный памятник работы скульптора И.И. Козловского. Незадолго до того, в 1953 году, в связи с окончанием строительства нового здания МГУ на Ленинских (Воробьевых) горах, Московский университет обогатился еще одним памятником М.В. Ломоносову. Этот памятник работы скульптора Н.В. Томского стоит на площади, которую образуют главное здание МГУ и здания физического и химического факультетов. Памятник обращен к проспекту, который с 1956 года также носит имя великого русского просветителя. Наконец, следует напомнить, что вот уже более семидесяти лет Московский университет официально носит имя своего основателя. Решение об этом было принято Президиумом Верховного Совета и Советом Народных Комиссаров СССР в дни празднования 185-летней годовщины со дня основания Московского университета, которую советская общественность отметила в начале мая 1940 года.

В ходе Великой Отечественной войны и сразу после нее имя М.В. Ломоносова было увековечено также в названиях ряда авторитетных научных форумов и наград, которые и поныне существуют в Московском университете. С 1944 года в МГУ регулярно проводятся Ломоносовские чтения. Этот научный форум с 1994 года дополняется регулярно проводимой в стенах Московского университета международной студенческой научной конференцией «Ломоносов», которая на сегодняшний день является крупнейшей молодежной научной конференцией на территории Содружества Независимых Государств.

Ежегодно 25 января, в день своего основания, Московский университет отмечает лучшие научные работы профессоров, преподавателей и научных сотрудников МГУ. Эта премия, также носящая имя М.В. Ломоносова, была учреждена Московским университетом в 1947 году.

Кроме Московского университета, еще несколько высших и средних учебных заведений Москвы носят имя М.В. Ломоносова. Например, образованный в 1930 году Московский институт тонкой химической технологии (современное название — Московская академия тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова) носит имя ученого с 1940 года. В дополнение к сказанному следует упомянуть, что ныне в Москве работают две средние школы, также носящие имя М.В. Ломоносова.

Москвичи высоко чтят память о великом российском ученом Михаиле Васильевиче Ломоносове. Они гордятся его неоценимым вкладом в развитие науки и народного образования в столице России.

Д.А. Гутнов, А.С. Орлов, музей истории МГУ

**ОБРАЗ ЛОМОНОСОВА И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ.
ОКТАБРЬ 1917–ИЮНЬ 1941**
(№1 (85), 2011)

Волею судеб, первая книга о Ломоносове при Советской власти печаталась уже в декабре 1917 года. Советское правительство, понятно, не имело никакого отношения к этому изданию. Императорская Санкт-Петербургская Академия наук, переименованная в мае 1917 года в Российскую Академию наук, просто продолжала свою запланированную деятельность.

Но далее малочисленная научная и техническая интеллигенция могла наблюдать совершенно неожиданные для текущей обстановки действия этого правительства. Секретарь Совнаркома (привычнее бы — Кабинета Министров) и личный секретарь Ленина Н.П. Горбунов посещает 10 апреля 1918 г. Академию наук и передает от имени Ленина сообщение, что «Советское правительство готово оказывать всемерную помощь работам Академии наук и считает крайне желательным возможно широкое развитие научных предприятий Академии». Советская власть в ближайшие 2–3 года создаст свыше 50 научно-исследовательских учреждений, среди них Академия сельскохозяй-

ственных наук, ЦАГИ, Нижегородская радиолоборатория, Институт радиологии и рентгенологии, Всесоюзный институт минерального сырья, Институт удобрений, Пищевой институт и многие другие. Большевики не только провозглашают цель «сближать науку и технику с практикой производства», но и их вождь лично обращается в октябре 1920 г. к шальной от побед в Гражданской войне молодежи с призывом «учиться, учиться и учиться». В стране две трети населения неграмотны.

В страшных условиях Гражданской войны новая власть прикладывает все силы для ликвидации этой беды. Первый «Военный букварь» для взрослых выпущен в 1919 году. Расширенный выпуск букварей для взрослых рабочих и крестьян начат в следующем 1920 году. В это же время выходит из печати, сколь известно автору, первая при Советской власти книжка о Ломоносове.

Годом позднее в Берлине, в издательстве, курируемом М. Горьким, была издана книга о Ломоносове академика В.А. Стеклова. Неожиданное обращение известного математика, вице-президента Академии наук к теме исторической биографии было, по-видимому, инициировано М. Горьким, который в письме к Ленину от 16 сентября 1920 г. писал: «мною... привлечено к делу популяризации научных знаний около 300 человек лучших ученых России, заказаны, написаны и сданы в печать за границей десятки книг...». В это же время образ Ломоносова появляется на молодежной театральной сцене.

Приведенные примеры — труды историка, ученого и драматурга — свидетельствуют о молчаливом согласии авторов и официального учреждения (Наркомпроса) с образом Ломоносова в его ипостаси юбилеев 1865 и 1911 годов.

Однако частного мнения конкретных лиц или даже отдельных учреждений далеко недостаточно в условиях новой власти для признания Личности исторически значимой и приемлемой фигурой. Необходимо политическое решение или хотя бы невысказанное (безмолвное) одобрение на высшем уровне. И такое решение должно было принять при подготовке празднеств 200-летней годовщины Академии наук в сентябре 1925 г.

Вице-президент Академии наук В.А. Стеклов «воспользовался мыслью о предстоящем 200-летнем юбилее РАН» и обратился по инстанции в Комитет по науке Наркомпроса РСФСР (ему подчинялась Академия) с предложением широкой программы празднования юбилея в международном масштабе с приглашением иностранных ученых, доказывая как научное, так и политическое значение такого праздника. Идея воспринята, и юбилею придано государственное значение как мероприятию всесоюзного масштаба.

Накануне юбилея, 27 июля 1925 г., ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О признании Российской Академии наук высшим научным учреждением Союза ССР». Отныне Академия наук из республиканского стала высшим всесоюзным научным учреждением, состоящим при Совнарком

СССР, и получила наименование: Академия наук Союза Советских Социалистических Республик

С 5 по 10 сентября торжества проводились в Ленинграде, с 11 по 14 — в Москве. Юбилей отмечался как грандиозный праздник общенациональной значимости, небывалый во всей истории Академии по своей торжественности и по масштабам. В нем участвовали высшие руководители страны, в том числе и председатель ВЦИК (по-нынешнему — президент) М.И. Калинин. На заводах и фабриках происходили торжественные митинги и собрания. Было получено 1500 приветственных адресов, писем и телеграмм. В юбилейных торжествах участвовали 1000 советских и 98 иностранных гостей, из них 23 немца, в том числе Макс Планк, и известный индийский физик Раман.

Исторический юбилей — это еще и живая связь времен. На торжества приглашена и присутствует вместе с отцом 13-летняя пионерка Нина Михайловна Быкова — праправнучка Ломоносова по женской линии.

Газеты «Правда», «Известия», «Рабочая Москва», «Комсомольская правда», «Ленинградская правда» и другие ведут репортажи о подготовке и проведении мероприятий с 1 по 15 сентября.

Официоз страны, печатный орган ЦК ВКП(б) газета «Правда» в день открытия торжеств 5-го сентября посвятила событию передовицу и целую полосу. В центре полосы размещались портреты Блюментроста (первого президента АН), Ломоносова, руководителей АН — президента Карпинского, вице-президента Стеклова, неперменного секретаря Ольденбурга — и академика Павлова. Сопутствующие статьи академиков подтверждали преемственность наследия и готовность сотрудничать в новых условиях. Здесь же поэт И. Молчанов взывал к памяти Ломоносова:

*Пропали цари, короли и бояре,
Ушли, как уходят весною снега,
С наукою в ногу идет пролетарий,
С наукою в ногу ведет мужика.*

*Ты видишь, Михайло, как шаг их уверен,
Ты слышишь, как мчатся лихие года,
В науку для нас не закроются двери,
Наука от нас не уйдет никогда.*

*Мы любим сгорать на работе упорной,
Мешая по горну и плавень и шлак,
Но знаем, для нас не бывает зазорным
Под тридцать и сорок шагать на рабфак.*

В строфах провозглашается близость образа к лозунгу «Наука и труд», к насущным проблемам времени — просвещению народных трудящихся масс.

В следующем номере с ёмкой статьёй «Академик Михайло Ломоносов» (огромный подвал) выступил Л. Сосновский, старый большевик, один из основателей газеты. Итогом исторического экскурса в статье стала четко сформулированная программа использования образа для воспитания и просвещения рабочей молодежи (выразительность цитаты оправдывает её объем):

«Третий век академии будет... первым веком... сближения науки с народными массами. Массы поймут значение науки и её твердыни — Академии, массы не только поймут, но и полюбят науку как лучшего своего друга и помощника. Надо им помочь понять, и, пожалуй, восчувствовать творческую мощь и красоту науки. И я не знаю для этой цели лучшего способа как познакомить массы с обликом академика Михайлы Ломоносова и сказать им: «...изучайте жизнь и труды великого революционера науки Ломоносова». Легко сказать «изучайте». Где у нас популярные книжки о Ломоносове? Кто их написал, кто их издал для народа? В этом непростительный грех, как самой Академии, так и Госиздата и Ленгиза и многих других. На нынешнем празднестве Ломоносов должен был стать знаменем...

Миллионы юношей из рабочей и крестьянской среды должны зажечься тем самым пламенем, каким горел Ломоносов. Пусть каждый желторотый юнец в городе и деревне растет с ощущением, что, может быть, и он станет в какой-то мере Ломоносовым. Ломоносов в XVIII веке был чудом. Ломоносовы в нашу эпоху станут явлением массовым... он показал нам образ настоящего ученого и академика... Ломоносов нам дорог как образец ученого, который был проникнут желанием немедленно применить каждое завоевание науки для удовлетворения потребности народа... начинается совсем новая эра для Академии наук. Ломоносовская эра. Не чудесным исключением, а всеобщим правилом явится теперь ученый крестьянин и рабочий. Надо поднять в народе знакомство с обликом великого ученого Михаила Ломоносова...

Пусть станет всему миру ясно, что Ломоносов ошибался, когда полагал, что вместе с ним погибнут все его полезные намерения. Наоборот, восставший победоносный народ только теперь и может осуществить его намерения. В каждой школьной книжке должен быть рассказ о жизни и трудах Ломоносова. Ежегодно должен быть в какой-то подходящий день учрежден праздник науки, где самое увлекательное зажигающее слово было бы о Ломоносове. Следовало бы учредить особый Ломоносовский фонд для поощрения выдающихся по способностям крестьянских и рабочих юношей, ежегодные премии за научные и литературные труды для начинающих ученых и литераторов из народных низов. И многое в том же роде. Имя Ломоносова должно стать и станет глубоким символом народного возрождения, победы народа над мраком прошлого... еще дружнее и увереннее прозвучат за стенами Академии голоса несметных тысяч завтрашних Ломоносовых, для которых готовили почву прошлые и нынеш-

ние поколения ученых и борцов. Вечная слава бессмертному академику Михайле Ломоносову!»

Эти общие замыслы подтверждает и А.В. Луначарский: в Академию волеются «новые силы новых Ломоносовых, которых породят нам фабрики и деревня».

Обратим, однако, внимание на акценты — «культ Ломоносова» и «немедленно применить каждое завоевание науки для удовлетворения потребности народа», т.е. на требование прикладной ценности науки и внедрение результатов исследований. И то и другое вскоре выдвинется на передний план.

К торжествам вышли в свет две юбилейные почтовые марки (худ. Н. Алексеев по картине Л.С. Миропольского «Портрет Ломоносова» 1787 г. Холст, масло) ценой 3 коп. (тираж 1 млн экземпляров) и 15 коп. (тираж 750 тыс. экземпляров).

Миллионы людей узнали о существовании Академии наук и впервые увидели этот портрет. Вполне закономерно изображение на марках портрета первого русского ученого. Вопрос вызывает размещение этого портрета — он вознесен над зданием Академии наук и подавляет его. Следует ли здесь увидеть некий символ официального воззрения на историю АН XVIII века или мы имеем дело с чистой случайностью? Призыв к «культу Ломоносова» в его графическом воплощении? Удивительные совпадения преподносит история!

Одновременно в академическом журнале «Природа» два десятка авторов развернули целостное историческое полотно деятельности Академии за 200 лет применительно к различным областям науки. Единая картина проиллюстрировала, естественно, частную и достойную, но скромную роль Ломоносова в развитии этого учреждения. Авторы опирались на документальный массив, руководствовались научной этикой и совершенно объективно изложили значение «пришлых немцев» для истории отечественной науки, не стесняясь благожелательных эпитетов.

Различие подходов к образу Ломоносова стало явным, и с этого момента началось усугубляющееся расхождение во взглядах на историю академии.

Нельзя не охарактеризовать фон, на котором звучали высказанные оптимистичные призывы. За день до начала торжеств было опубликовано постановление Президиума ВЦИК о введении в РСФСР всеобщего начального

обучения, с планированием ввести его как обязательное не позже 1933–34 года. В столице же Наркомпрос считал возможным ввести обязательное начальное обучение с 1927 года, требуя «расширить работу по ликвидации неграмотности и увеличению сети ликпунктов, которые обеспечили бы ликвидацию неграмотности к десятилетию Октябрьской революции на 100 проц.» и одновременно запрашивая в правительстве средства на борьбу с беспризорностью. Нищая страна еще не могла напечатать хотя бы один букварь на двоих и найти тысячи изб для школ.

Такова была щемящая сердце реальность. И тем не менее читатель сам может свидетельствовать исполнение в дальнейшем всех призывов статьи Л. Сосновского.

Образ сохранил преемственность и при кардинальной смене партийного руководства. В 1926 г. были сняты со своих постов председатели Моссовета Л.Б. Каменев (1883–1936) и Ленсовета Г.Е. Зиновьев (1883–1936), курировавшие организацию и проведение юбилея Академии и неоднократно выступавшие перед гостями с речами (см. упомянутые газеты) о перспективах развития страны и науки в ней. С.М. Киров (1886–1934), возглавивший Ленинградский горком, в январе 1932 г. цитировал Ломоносова в официальном выступлении при обсуждении планируемой деятельности научных учреждений.

В эти же годы образ Ломоносова вошел в советскую художественную и научно-художественную литературу с книгами Г. Шторма.

Третьего мая 1931 г. французская газета *Dernières Nouvelles* опубликовала сообщение из Москвы: «Академия Наук высказала пожелание потребовать изменения названия Земли Франца-Иосифа с тем, чтобы отныне ее именовали Землей Михаила Ломоносова. Льды полюса, сберегающего свою часть всемирных тайнств, привлекают внимание мира, а он родился неподалеку от этих островов». В Кремле инициатива поддержки не нашла, но сообщение заинтриговало маркиза де Люр-Салюса (*marquis Pierre de Lur-Saluces*), из старинной семьи производителей дорогих вин. Маркиз написал весьма доброжелательную книгу, в которой изложил биографию Ломоносова, донеся до французов образ, сформированный юбилеями 1865 и 1911 годов. В книге приведена масса переводов стихов Ломоносова на французский язык, а также даны ссылки на немногие его упоминания в европейской печати.

Итак, Советская власть приняла образ ученого-энциклопедиста. Ценность отдельных черт образа была уже несколько смещена. Исторически объективно XVIII век характеризовался уже совершенно по-иному — как эпоха «растущей буржуазии», эпоха «зарождения промышленного капитализма». В духе времени, но излишне категорично, Ломоносов провозглашался «трибуном молодой русской буржуазии, деятельнейшим участником буржуазного развития и выразителем его задач».

В крестьянской стране, в свете провозглашенной программы, крайне выигрышным было происхождение Ломоносова. Эта грань образа — «крестьянин-

академик», «крестьянин-ученый, ученый-мужик» стала сильнейшим и действенным аргументом для призыва в науку сельской молодежи.

Академический юбилей бросил призыв к мобилизации образа Ломоносова и положил начало государственной деятельности по укоренению образа в сознании людей. Образ рассматривался властью не как субъект удивления современников и восхищения потомков, а как рабочий инструмент пропаганды для подъема интеллектуального потенциала страны, т.е. для появления тех самых Ломоносовых, о которых он сам писал.

Две трети неграмотного населения могли воспринять лишь черно-белый, контрастный образ, без всяких полутонов (к 1927 году число грамотных увеличилось лишь на 10 миллионов). Доступность в восприятии и, соответственно, полезность массового воздействия образа оправдывали его некое обеднение, некую схематичность и изменение акцентов. Уже в начале тридцатых годов был опущен классовый критерий. Образ был вычищен от религиозности, крепостничества, верноподданнических чувств, в нем оставлены патриотизм, гуманизм, стремление к просвещению народа и, естественно, бойцовские качества. Каноническими стали борения образа с иностранным засильем и косностью царской бюрократии, каноническими стали и причины малой эффективности образа в науке, обусловленные этой малоуспешной борьбой. Сказанное на многие десятилетия определило колорит образа в советской научной и художественной литературе, в советских исследованиях биографии Ломоносова.

Академическая историческая наука оказалась поставленной в условия, когда известный миллионам образ, как история науки в XVIII веке, не мог быть существенно изменен по вновь найденным фактам. Любые факты были обязаны украшать канонический образ. То же самое было с другими избранными фигурами.

Страна жила в условиях осажденной крепости, нужны были понятные, яркие герои, государственники и, самое главное, победители. Государство было ориентировано на победу, ему были нужны такие примеры, и оно искало их в истории. На авансцену была выведена столь же опрощённая череда победоносных политиков и полководцев — Александр Невский, Минин и Пожарский, Петр I, Суворов, Кутузов. Ломоносов олицетворял русские победы в науке.

Оправдались ли эти, очередные в истории, манипуляции с образом? Безусловно!

В стране изменилось главное — общественный взгляд на Труд. Стремление к знаниям уже не было отвлеченным. Оно подавалось как органически необходимая компонента квалифицированного труда, высшей ступенью которого является наука. И для всех трех ступеней образ Ломоносова был оптимален.

Имя Ломоносова буквально тащило детей из семей рабочих и крестьян к знаниям и в доселе неведомую их родителям сферу деятельности — науку. Н.К. Крупская неоднократно обращалась в своих выступлениях к этому име-

ни, требуя помочь юношам, которые при Советской власти, следуя известному историческому примеру, наугад заявлялись из деревень учиться в города.

В русле общего развития культуры Советской страны имя Ломоносова занимает особое место. Это имя и образ изначально были донесены до КАЖДОГО ребенка, до КАЖДОГО школьника и жителя. Фантастические тиражи школьных хрестоматий, портреты на тетрадах, дневниках и открытках, художественная и научно-популярная литература, театральные постановки, и, наконец, черная тарелка проводной радиотрансляции несли детям его пример. С образом Ломоносова были выращены поколения. И почему-то большинству людей из этих поколений пришелся по сердцу, закрепился в памяти именно образ подростка, убегающего из дома учиться в Москву,

Одними из первых шагов социалистического государства были меры по развитию национальных культур. По примеру России в республиках подняли имена своих Ломоносовых, своих подвижников, деятелей просвещения, науки и культуры.

Призыв крылатой фразы «о сбережении народа» впервые в истории страны нашел отклик при Советской власти: ликвидация беспризорности, бесплатное медицинское обслуживание, профилактическая медицина, медицинское просвещение, психологическое обезболивание родов, восхитившее папу Пия XII, — все это освящалось именем Ломоносова, так же как и Севморпуть и освоение Сибири.

Перед войной тысячи возведенных за годы пятилеток заводов и фабрик, сотни научно-исследовательских институтов и КБ были обеспечены отечественными высококвалифицированными кадрами — рабочими, инженерами, учеными. И мы не можем отрицать, что в том имела место опосредованная заслуга образа Ломоносова.

Юбилейные торжества по случаю 225-летия со дня рождения Ломоносова (1936 г.) носили весьма умеренный характер сравнительно с ранее описанными. Газета «Правда» на фоне репортажей о боях в Испании дала передовицу «Гениальный сын великого русского народа» и предоставила третью полосу подобающим статьям писателя, академика и профессоров. Газета «Известия», также на фоне репортажей о боях в Испании, дала передовицу «Сын великого русского народа» и также предоставила третью полосу подобающим статьям писателя, академика и профессоров. Президиум АН СССР и МГУ, тогда еще имени М.Н. Покровского, провели торжественное заседание в Доме ученых. Именно на этом заседании было предложено присвоить МГУ имя Ломоносова. Доклады заседания были опубликованы, и на авансцене Ломоносовской темы появилось имя академика С.И. Вавилова (1891–1951), будущего Президента АН СССР (1945–1951).

Заголовки передовиц знаменовали поворот государственной идеологии в сторону возрождения русского национального самосознания. На горизонте была война. Передовица «Правды» в соседних абзацах упоминала Ленина, Сталина и Ломоносова. На следующий год, год Пушкинского юбилея, пере-

довица «Правды» назвала поэта «великим русским поэтом». Поворот свершился!

Вспомните, читатель, мнения, высказанные за 170 лет до того, мнения, поддержанные немкой на русском троне!

Первый эпитет в заголовке передовицы «Правды» стал приказом как для ломоносоведов, так и для всех затрагивающих эту тему, и в дальнейшем неукоснительно исполнялся.

Тема образов Ломоносова не будет полна без упоминания отношения к нему русской ученой эмиграции. Развезенные по миру, теряя в ассимиляции детей, они верили: «Почитание народных героев является одним из лучших способов поддержания национального достоинства» — и бережно отмечали исторические события ныне чужой страны.

Ведущий научный сотрудник В.К. Новик

**ОБРАЗ ЛОМОНОСОВА И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ.
ИЮНЬ 1941–НОЯБРЬ 1986
(№2 (86), 2011)**

Великая Отечественная Война. Победа. Разоренная страна. Всем забывшим следует напомнить, каким трагизмом дышало время. Американский империализм люто ненавидел Страну Советов, победившую фашизм. Советскому руководству было известно о разработке в течение 1945–1949 годов десятка планов атомной бомбардировки страны от Totality (1945 г., 20 бомб по 20 городам) до Drop Shot (1949 г., 300 бомб по 200 городам). Общая разруха усугубилась засухами 1946 и 1947 годов, павшими на поля, обильно усеянные минами, бомбами и снарядами. Все усилия советской власти наладить экономические отношения с капиталистическим миром были им отвергнуты. Победившей стране изощренно предлагали капитуляцию в красивой обертке «Плана Маршала».

Восстановление страны должно было происходить в условиях мировой экономической изоляции при беспрецедентном отвлечении сил на атомный проект. Страна могла опираться только на собственные силы. Главной задачей пропаганды стала мобилизация общества на новые трудовые, а может быть и новые военные, подвиги. Подвиги — это не дань патетике, это объективная характеристика свершений народа. Любые сомнения в трудовой победе, поиски любых оправданий, в том числе и сравнением с состоянием дел за рубежом, должны были быть исключены. Отсюда обращение к историческим примерам приоритета отечественных талантов, которые даже при царском гнете смогли дать миру великие изобретения, заимствованные благодарным Западом. Советский человек уверенно приумножит достижения славных предшественников.

Логика убедительна и проста — Советская Россия (СССР) не только самостоятельно справится с военной разрухой, но и на равных будет говорить с новым, заокеанским врагом. А сейчас, дабы отвлечь колебания и растерянность, никакого преклонения перед иностранщиной. Именно в этом состояли глубинные причины кампании по борьбе с космополитизмом. И опять (напомним о П.А. Плавильщикове, 1792 г.) была поднята, как знамя, вера в русский гений.

Отдельно вопрос о детях. Дети войны познали все ее ужасы в зоне боевых действий и все беды в тылу. В их кратких биографиях стал привычным мир страха и лишений. Страна должна была дать им возможность увидеть еще неизвестный им мир увлекательного творческого труда, открыть подросткам незнакомые области человеческой деятельности. Имя Ломоносова дети впервые встречали на страницах хрестоматии для младших классов. Кроме того, и в тяжелые военные годы печатались большими тиражами книги о нем.

За несколько месяцев до Победы была понята необходимость новой формы приобщения подростков к проблемам науки и техники — через их отечественную историю.

Своей лекцией «Ломоносов и русская наука» академик С.И. Вавилов открыл 29 марта 1945 г. в Москве провозглашенную серию «Ломоносовские чтения». Открытие «Чтений» было проведено по совместному решению ЦК ВЛКСМ и президиума АН СССР. Кругозору и профессиональной подготовке будущих создателей сверхдержавы уделялось самое серьезное внимание. К руководству «Чтениями» были привлечены также нарком просвещения РСФСР, председатель Союза Советских писателей и

начальник Главного управления трудовых резервов.

«Ломоносовские чтения» имели своей целью увековечение памяти М.В. Ломоносова, широкое ознакомление учащейся советской молодежи с его научной и общественной деятельностью, с текущим состоянием и важнейшими проблемами естественных, технических и общественных наук. «Чтения» включали два цикла лекций, ориентированных на: 1) учащихся старших классов средней школы и 2) на учащихся ремесленных и железнодорожных училищ и школ ФЗО (фабрично-заводское обучение).

Школьникам предлагались следующие темы: 1. Ломоносов и русская наука; 2. Ломоносов и русская геология, горное дело и металлургия; 3. Ломоносов и русская химия; 4. Ломоносов и русская литература; 5. Ломоносов и Северный морской путь; 6. Ломоносов в истории русской культуры; 7. Великий русский математик Лобачевский; 8. Периодическая система Менделеева; 9. Выдающиеся русские биологи Тимирязев и Мичурин; 10. Великие русские физиологи Сеченов и Павлов.

Учащиеся училищ выбирали из следующих тем: 1. Ломоносов — великий русский ученый; 2. Ломоносов и развитие русской металлургии; 3. Ломоносов и русская культура; 4. Ломоносов и его учение о физике и химии; 5. Ломоносов и Северный морской путь; 6. Ползунов — первый изобретатель паровой машины; 7. Черепанов — русский изобретатель паровоза; 8. Петров и Яблочков — первые русские электротехники; 9. Русский изобретатель и конструктор Кулибин; 10. А.С. Попов — изобретатель радио.

Лекции читались академиками и членкорами АН СССР, печатались и распространялись многотысячными тиражами.

Приведем две из первых фраз лекции Вавилова: «...Еще при жизни Ломоносова образ его засиял для русских современников особым светом осуществившейся надежды на силу национального гения. Дела его впервые решительным образом опровергли мнение заезжих иностранцев и отечественных скептиков о неохоте, и даже неспособности русских к науке». Обратим внимание на доминирование слова «русский» в названиях лекций, на уверенность в «национальном гении» и напомним о переключке этих выражений с цитируемыми мнениями XVIII века. Образ Ломоносова опять призван в тяжелые для страны годы. Но здесь он совсем другой, здесь он «вождь», как о том писал Радищев. И за вождем на поддержку «русского национального гения» следуют уже не только «Кулибин и Тверский Механик Собакин суть два чуда в механике», а сплоченная когорта заслуженных русских имен.

В 1946 году АН СССР возобновляет выпуск книги «Ломоносов. Сборник статей и материалов», которая становится продолжающимся изданием. Весной 1947 г. в школы поступает хрестоматия для старших школьников «Рассказы о науке и ее творцах», написанная в годы войны. Ее открывает портрет Ломоносова с вечно живым призывом:

*Держайте ныне ободрены,
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.*

Издатели книги выражали надежду на пробуждение у молодого читателя интереса к углубленному изучению той или иной области знаний, к выбору им

жизненного пути в науке. Автор свидетельствует, что эта цель в значительной мере была достигнута. Применительно к русским, советским ученым в книге рядом с Ломоносовым поставлены имена XX века — Менделеев, Лебедев, Жуковский, Чаплыгин, Циолковский, Тимирязев, Мичурин и т.д. В тексте впервые появляется знаковое впоследствии словосочетание «физик-теоретик» (Л.Д. Ландау). Оба издания книги знакомили школьников и учащихся ремесленных училищ с новыми сферами деятельности, с новыми требованиями к новому, неизвестному еще труду.

Тогда же, по инициативе Президента АН СССР С.И. Вавилова создается «Общество по распространению политических и научных знаний» (с 1963 г. общество «Знание»). Пропаганда отечественных научно-технических достижений получает новый импульс. Лекторы общества приходят в школьные классы, аудитории вузов и техникумов, на стройки, в цеха заводов и фабрик (лекции читались во время обеденных перерывов). Направленность циклов однозначна — «Россия — родина величайших изобретений», «Приоритет русских и советских ученых в науке и технике». Лекции издавались тиражами в десятки тысяч экземпляров. Тем же целям был подчинен кинематограф, выпустивший художественные фильмы «Мичурин» (1948 г.), «Академик Иван Павлов» (1949 г.), «Александр Попов» (1949 г.), «Жуковский» (1950 г.), «Михайло Ломоносов» (1955 г.).

В эти же годы разворачивается широчайшее, охватившее миллионы людей, движение изобретателей и рационализаторов. Лучшие из них награждались Сталинскими премиями. Власть пробуждала творческую инициативу народа самыми различными способами, что, вне сомнений, способствовало ускоренному восстановлению страны и подготовке технологического прорыва в ближайшем будущем. Период 1945–1957 годов следует отнести к эффективнейшему использованию образа Ломоносова в истории страны.

Массированная пропаганда указанной направленности в общем и целом следовала в русле категорий и приемов, использованных в Ломоносовских юбилеях 1865 и 1911 годов. Отличие состояло только в том, что эти приемы были распространены на многих русских ученых XIX и XX веков. Несдержанная старательность из лучших побуждений при столь масштабном охвате личностей должна была привести и привела к гротеску: единственно Россия одарила прогрессом человечество. Дошлые остроумцы едко высказывались, что Россия, безусловно, и родина слонов. Однако перехлест угас в считанные годы, и можно еще поспорить, следует ли его отнести к издержкам пропаганды.

С первых послевоенных лет АН СССР начала подготовку академического полного собрания сочинений Ломоносова. Последнее, девятое (и второе научное) восьмитомное (1891–1948 гг.) издание не удовлетворяло минималь-

ным требованиям к публикации столь значимых трудов. Советское правительство поддержало дорогостоящую инициативу.

Непреодолимая честь и хвала коллективу составителей и редакторов (гл. редактор С.И. Вавилов), проделавшему воистину гигантскую работу по комплектации этого издания. Читателю впервые стали доступны более 240 рукописей научных трудов и писем Ломоносова. Все работы, написанные на латинском языке, были даны и в русском переводе. Несмотря на высказываемые пожелания, переводчики остались верны научной этике и достаточно точно передали смысл текстов Ломоносова. Составители ввели в комментарии к текстам целый пласт малоизвестных событий, массу источников, ожививших большую группу имен. Мнения составителей о событиях и личностях отражены в емких комментариях. Последние изобилуют ссылками на документы оппонентов Ломоносова. Суждения, высказываемые в комментариях, безусловно, несут отпечаток времени. В то же время достоверное представление трудов Ломоносова в совокупности с арсеналом ссылок позволяет исследователям обосновать собственный взгляд на давнюю историю отечественной науки.

Десять томов собрания сочинений объемом 25–30 п.л. были подготовлены и напечатаны в кратчайшие сроки (1950–1957 гг.). Справочный, 11-й том, увидел свет в 1983 г.

Повторим, интервал 1945–1957 гг. стал венцом востребованности образа Ломоносова Советской властью. В силу вызовов времени образ ученого-энциклопедиста претерпел некоторую коррекцию. Как и ранее, «Ломоносов выступает одним из гениальных основоположников научного атомизма и кинетической теории материи, автором единого всеобщего закона природы — закона сохранения материи и энергии», но с любопытным дополнением: он — «основоположник русского естествознания» (наука приобретает национальную окраску) с проникновением ломоносовской мысли в труды А.М. Бутлерова (1828–1885), Е.С. Федорова (1853–1919) и Д.И. Менделеева (1834–1907). Обстоятельства, тяжелейшие для страны, объясняют не только такие чрезмерные оценки, но и позволяют понять причины, определяющие любые сомнения как **«антинациональные взгляды врагов русской науки, замалчивающих и умаляющих труды русских ученых»**. Президент АН СССР С.И. Вавилов названные крайности стремился пресекать. Как и век назад, воспитательное значение образа Ломоносова оправдывало и оправдало подобное освещение его Личности, его веры в таланты русского народа, его страсти к науке, к преобразованию своей Родины. Образ исчерпывающе убедительно исполнил свою роль по внесению науки в жизненные ценности послевоенной молодежи, по привлечению ее внимания к новым прорывам науки и новым кумирам.

Рубеж 50-х годов отмечен первыми шагами научно-технической революции. И имена великих ученых XX века постепенно и закономерно заслонили фигуру Ломоносова. Ниши, ранее занятые его образом (воспитание, образование, патриотизм и т.д.) заполнились личностями советской эпохи, личностями близкими и понятными в своем поведении. Новые кумиры по праву сменили его во всех ипостасях. Обращение к его образу перешло в категорию церемониального уважения истории, в область неизбежного официального ритуала. Да и не могло быть иначе.

Сопоставим некоторые даты. В 1957 выходит в свет X том ПСС Ломоносова. Тогда же на орбиту выводится первый искусственный спутник Земли. Достижение эпохально, образ таинственного Генерального конструктора занимает умы планеты.

Год 1961-й, 250-летие со дня рождения Ломоносова. Юбилейная дата, единственная в списке подобных торжеств, не омраченная какими-либо общенародными несчастьями. За полгода до события в стране Ломоносова русский человек, коммунист Ю.А. Гагарин впервые в истории человечества облетел планету на космическом корабле. Через четыре месяца другой русский человек — Г.С. Титов — пребывает сутки в ближнем космосе. Это ли не исполнение чаяний великого помора? В юбилейных торжествах три имени сводятся в выступлениях, но в триумфе живых героев блекнет и исчезает историческая связующая нить. Торжества с должной помпой проводятся в АН СССР и вузах страны. Поток статей об ученом-энциклопедисте выливается на страницы газет, журналов и брошюр. Среди новых «бесценных находок» вклад Ломоносова в метеорологию, в область печной теплотехники, вопросы государства и права и астрофизики. Ничего, кроме иронии, добродушной и снисходительной, эти потуги вызвать уже не могли. Огромный слой гуманитарной и технической интеллигенции, взращенный, в том числе, и на примере Ломоносова, уже имел все основания не воспринимать столь прямолинейную пропаганду. В каждый дом вошли властители дум уже другого времени — космонавты и молодые физики из фильма «Девять дней одного года». Фильм появился на экранах кино и телевидения 1961 году, став воистину культовым, определившим судьбы едва ли не миллионов молодых людей.

Автор далек от мистики, но не может не задаться вопросом: почему рука провидения именно на год юбилея отнесла и космические полеты, и появление фильма-знамени?

В последующие два десятилетия научно-техническая революция достигла апогея в нашей стране. Возникали десятки отраслей промышленности, открывались наукограды, сотни НИИ, КБ и вузов по новым производственным направлениям.

На этой волне открывались и музеи Ломоносова, возводились многочисленные памятники, его имя присваивалось вузам, школам, библиотекам. С 1967

года АН СССР присуждает Большую золотую медаль имени М. В. Ломоносова ежегодно (а не раз в три года) советскому и зарубежному ученому за выдающиеся работы в области естественных и гуманитарных наук. Имя увековечивается на земном глобусе: экваториальное Течение Ломоносова и подводный вулкан у Азорских островов в Атлантике, подводный хребет Ломоносова в Ледовитом океане, возвышенность Ломоносова на острове Западный Шпицберген. Напомним о предложении АН СССР еще в 1930 г. переименовать Землю Франца-Иосифа в Землю Ломоносова.

В эти же годы существенно расширились возможности историков науки. Многие архивы стали не только доступны, но и были существенно упорядочены в части их описания. В научный оборот начали вводиться материалы, полученные в зарубежных архивах и библиотеках. Новая документированная информация о Ломоносове и его коллегах в очередной раз скорректировала образ Ломоносова применительно к сферам представления образа.

В популярной, в том числе детской, и художественной литературе, в теле- и кинопостановках, в юбилейных статьях и выступлениях все также сохранялись черты перечисленных выше образов с дежурной демонизацией врагов. Во взглядах же историков науки начал складываться образ реальной Личности, о которой ранее писали Билярский и Пекарский. Партийная точка зрения, оправданная прежде, теряла актуальность в свете новых героев и уже не действовала гипнотически. Плоский, схематичный, контрастный образ, порожденный обстоятельствами 20-х – 30-х годов и навязанный историкам, неспешно уходил из профессиональной литературы. Вместе с ним уходили образы врагов, исчезали мотивы злокозненных происков и выявлялись объективные мотивы, высокие ли, земные ли, поступков Ломоносова. Становилась понятной логика этих поступков, и уже живая, из плоти и крови фигура человека органически, непротиворечиво вписывалась в мир России XVIII века. И суждения о Личности следовали по внутренней логике документированных фактов, без пиетета перед собственными заявлениями великого помора. Расхождения во взглядах со временем усиливались. Но образы существовали в совершенно разных пространствах, ориентировались на различные аудитории и не мешали друг другу. Каждая из категорий авторов была удовлетворена, взаимных претензий не существовало из-за разнесения сфер, а общая польза была очевидна.

Поначалу подобные мнения высказывались в статьях, посвященных персоналиям современников Ломоносова. Постепенно взаимоотношения с ним становились главным стержнем работ. Так складывался образ Ломоносова в представлении последних лет. Двойственность представлений о Личности стала свершившимся фактом. Как реакцию на сложившуюся ситуацию можно рассмотреть книгу известного ломоносоведа В.П. Лыцова. Мотивы его аргументов можно понять, но согласно с доводами препятствует огромный массив объективных фактов, установленных в XX веке. Новый взгляд во всю силу заявил о

себе при появлении Интернета, исключаяющего редакторскую правку, или давление, и отражающего точки зрения образованной публики. Впервые в истории современные технические средства позволили выявить спонтанно сложившееся общественное мнение о Ломоносове. Анализ мнения требует, конечно, специального исследования, но приятно отметить отсутствие покушений на сакральность этого имени.

В год следующего, 275-летнего, юбилея со дня рождения Ломоносова (1986 г.) страна вступила в судорогах «гласности и перестройки». Год вошел в историю планеты чудовищной катастрофой — взрывом реактора Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 г. Строительство саркофага над реактором было в основном завершено только через полгода. Ранг торжеств был заведомо снижен. Информационный официоз, газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» не дали соответствующих передовиц. Торжественное заседание проводилось не в Кремлевском Дворце Съездов, а в Большом театре СССР. На заседании присутствовал М.С. Горбачев и другие руководители страны. После традиционного выступления Президента АН СССР Г.И. Марчука и вице-президента академика К.В. Фролова слово было дано далеко не первому в партийной иерархии секретарю Архангельского обкома П.М. Телепневу, а затем секретарю правления Союза писателей СССР А.А. Михайлову. Информация о заседании печаталась только в виде сообщения ТАСС «Энциклопедист, патриот, новатор». Само сообщение (более половины полосы) цитировало слово «русский» только 15 раз, исключительно как эпитет. Суть и стиль выступлений следовали вековой традиции. В докладе Фролова, однако, странно и неестественно прозвучала связка имени Ломоносова, встречи Р. Рейгана и М. Горбачева в Рейкьявике с подчеркнутым выводом «о приоритете общечеловеческих ценностей над всеми другими ценностями». Случайная оговорка здесь исключена. Образ Ломоносова был кощунственно привлечен к готовящемуся предательству великой страны. И если отказ Горбачева во время визита в Лондон посетить могилу К. Маркса означал отречение от коммунистической идеологии, то здесь публично провозглашалось поправление вековых русских святынь и интересов в пользу «общечеловеческих ценностей». Идея «приоритета» — это провокационный абсурд, ибо каждая цивилизация воспринимает свои ценности как общечеловеческие. Вековые ценности России таковы: духовное выше материального, общее выше личного, справедливость выше закона, будущее важнее настоящего и прошлого. Но провозглашенное, как известно, свершилось.

В остальном этот последний при Советской власти юбилей внешне проводился, как и прежние: конференции, выставки, должные книги и брошюры. Тиражи изданий были необычайно велики — сотни тысяч экземпляров. Новые поколения, вступающие в жизнь, знакомились с Личностью, на примере которой воспитывались их отцы и деды.

Ведущий научный сотрудник В.К. Новик

**ВСТРЕЧА С М.В. ЛОМОНОСОВЫМ
В КОРПУСЕ НЕЛИНЕЙНОЙ ОПТИКИ**
(№3 (87), 2011)

14-го марта было проведено объединенное заседание кафедры ОФ и ВП и межведомственного семинара “Синергетика” (рук. проф. Ю.М. Романовский), посвященное 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. Можно лишь радоваться интересу и уважению, проявленному к памяти “радителя просвещения земли Русской”. На заседании присутствовали свыше 40 человек, стойко выслушавших и просмотревших двух с половиной часовую презентацию, обсудивших десятки (!) вопросов его биографии. Да, пока чтут национальные святыни – Россия непобедима!

В.К. Новик.

**ОБРАЗ ЛОМОНОСОВА
В УСЛОВИЯХ ВОЗРОЖДЕННОГО КАПИТАЛИЗМА**
(№3 (87), 2011)

За прошедшие со дня смены общественного строя 19 лет новая власть не высказала своего представления о приемлемом образе национального героя. Повидимому, непосредственно перед 300-летним юбилеем она должна будет определиться на этот предмет, чтобы обусловить смысловой стержень общепланетарного события. Далеко не все черты ранее сложившегося образа Ломоносова гармонируют с ныне заявленными лозунгами. Идеи культурной глобализации противоречат национальным чувствам, главным в наследии Ломоносова. Провозглашенный принцип подготовки в школах «образованного Потребителя» уничтожает призыв «собственных Платонов». Суждению о «просвещении и сбережении русского народа» противостоит ЕГЭ и демографическая статистика. Русское национальное самосознание, выпестованное Ломоносовым, перечеркнуто отменой записи о национальности в паспортах. Умолчим о судьбе языка, российской науки, приращении могущества страны Сибирью и Ледовитым океаном и о прочем. Нет, не просто будет определить смысловой стержень юбилейных торжеств.

В изменившихся общественных воззрениях образ Личности не складывается в одночасье. Тем не менее возможно указать направления изменения таких воззрений под пером известных авторов.

За истекшие два десятилетия о Ломоносове вышли в свет около сотни книг и брошюр. Большая часть изданий посвящена отдельным направлениям научной, административной и творческой деятельности Ломоносова. Их авторы остаются верны ранее сложившемуся схематичному образу, оперируя, как и ранее, цитатами, по большей части произвольно вырванными из контекста документов. Новому прочтению целостной биографии Ломоносова

посвящены лишь две малотиражные книги, увидевшие свет в 2006 и 2008 годах. И книги эти следует рассматривать как первые шаги в осмыслении Личности Ломоносова в новых условиях трансформации общественного строя и менталитета населения.

Книга В. Шубинского, первая написанная в постсоветское время, относится к разряду художественных биографий. Вторая принадлежит перу ведущего ломоносоведа Э.П. Карпеева, много лет руководившего академическим музеем М.В. Ломоносова. В ней биография и деяния ученого освещены применительно к представлению его Личности на телевизионный общегосударственный конкурс «Имя России».

Язык книг различен, яркий и бойкий в первой, лапидарный и сухой — во второй. Отличны и суждения авторов, поверхностные, в силу жанра, у Шубинского, ответственные — у Карпеева. Обе книги безупречно следуют фактам и реалистично, без идеализации, умолчаний или драматизации излагают жизненный путь Ломоносова, описывают его непростой характер, отношения с окружением, итоги научной и творческой деятельности.

Достоверность рассказа, в свою очередь, представила целый ряд современников равными Ломоносову или даже превосходящими его в некоторых обсуждаемых сферах деятельности. Образ оказался лишен исключительности в науке, в просветительских и административных трудах, за ним сохранены лишь преходящие достижения в реформе языка и поэтическом слоге, известный вклад в общую культуру.

Осознано или не желая того, авторы подвели читателя к вопросу: в чем же собственно велик Ломоносов, по праву ли стоят памятники ему? Столь же безрезультатно читатель мог бы искать в этих книгах ответы на другие очевидные вопросы: почему имя Ломоносова было столь притягательно для «властимущих», церкви, политических течений? Почему Имя, будучи проведено властью через века, в то же время не было отвергнуто народом? Вопросы прямолинейны и неприятны. Попытаемся на них ответить.

Феномен Ломоносова удивителен. За ним нет военных подвигов, он не спасал Отечество в годину битв, не жертвовал собой. К нему не применимы критерии подобных подвигов, вечных в народной памяти. Но имя его издавна поставлено рядом с полководцами (см. П.Ю. Львова), хотя беспристрастный взгляд на творческую, научную и другие привычные сферы деятельности Ломоносова, казалось бы, определит его как известного, знаменитого, прославленного, но отнюдь не Великого человека в истории России. Двухсотлетняя пропаганда имени, безусловно, сыграла свою роль по внедрению образа в сознание народа. Однако что же оставалось единой нитью, единым мотивом, проходящими через этот самый, непрерывно изменяющийся, народ? В условиях научных и общественных трансформаций народ преобразился по интеллектуальному и образовательному уровню, национальному составу, языку, кругозору, системе ценностей. Какая же нить в восприятии Ломоносова может связывать

придворного льстеца XVIII века, справного, грамотного крепостного мужика XIX века и нынешнего расхристанного студента с ноутбуком? Только одна — ОНИ РУССКИЕ, русские — по духу ли, по крови ли. Они принадлежат славному делам и отзывчивому душой великому племени, народу, нации. Это вечное чувство достоинства рода изначально и выразил Словом Ломоносов. Здесь он в сознании русских людей не имеет равных, а потому Велик.

В середине XIX века затухающий образ поэта-патриота был искусственно замещен образом ученого-энциклопедиста. Сейчас время все расставляет по своим местам, возвращая на авансцену образ поэта-патриота. Напомним, что именно этот образ в XVIII веке породил кумира. Ныне представления о Личности возвращаются к их истокам.

Вернемся к окончательно сформировавшейся двойственности представления образа Ломоносова в настоящее время. Двойственность, как упоминалось, зародилась в середине XIX века, возродилась и получила развитие с 60-х годов XX столетия, и была утверждена во мнении некоей части читательской аудитории книгами Шубинского и Карпеева.

Нет сомнения в том, что 300-летний юбилей будет проведен применительно к сложившемуся образу ученого-энциклопедиста с традиционными мероприятиями и выступлениями у памятников. Среди них, сколь известно автору, только один памятник поставлен поэту-патриоту — в Архангельске. Остальные несут зрителю образ ученого.

Ожидать изменения массовых представлений о Ломоносове следует лишь со временем, при условии принятия властью соответствующего политического решения и включения государственного пропагандистского аппарата, в том числе с коррекцией школьных программ. Никаких разумных доводов в пользу подобного развития событий (т.е. обращения к реальной Личности) сейчас не имеется. Скорее наоборот. Искусственный, насильственный слом устоявшихся представлений об очередной российской святыне вызовет еще один раскол в обществе. Пусть образы мирно сосуществуют параллельно в своих сферах, имеют своих сторонников и не проявляют взаимной агрессивности. Пусть книги Шубинского и Карпеева останутся одинокими островками чужемыслия в море устоявшегося восприятия образа.

В настоящее же время более опасна тенденция полного забвения Личности в сознании людей, т.е. ее уход не только из их поля зрения, но и из народной памяти. Сохранит ли нынешняя власть эту фигуру на пьедестале, как то культивировали самодержавная и советская власть? Или, в условиях информационного произвола, отдаст Имя пачкунам, которые втопчут его в грязь?

В нынешнем состоянии без пробуждения русского национального самосознания невозможно восстановление страны. И опять во главе когорты славных сынов России должен стать Ломоносов. Во многих, очень многих

сходных обстоятельствах Отечество призывало их образы. Придут они на помощь и ныне.

Внимание к образу поэта-патриота может существенно усилиться развитием текущих тенденций в состоянии страны. Обращение к авторитету исторических личностей вызывается обычно протестными настроениями. Заветы Ломоносова о «просвещении» и «сбережении» народа, о русском судьбоносном величии будут непрерывно обретать приверженцев и постепенно становятся лозунгами в растущем противостоянии России и Запада, в сопротивлении подавлению национальной культуры страны.

В заключение пожелаем 300-летнему юбилею войти в историю Ломоносовской темы выпуском долгожданной академической биографии Ломоносова.

Лирический эпилог

Давайте же, читатель, поставим рядом образы Ломоносова. Будучи оживлены, они бы с удивлением взгляделись друг в друга, не узнавая ни себя, ни своих коллег.

Образ поэта, который писал на малопонятном ныне языке, но оставил несколько чеканных фраз, врезавшихся в память. Поклонимся этому образу. Образ ученого, что «все науки превзошел», и удивил мировые умы своими достижениями. Ну что же, склонимся и перед ним. Образ создателя Московского Университета достоин благодарной памяти, всяческой признательности и монументов. Образ радетеля земли русской, известный ныне лишь небольшой группе ученых-патриотов. Выразим признательность и ему. Но все образы этих вальяжных особ в париках и камзолах с некоторым недоумением и высокомерием смотрят на образ юноши, который в погоне за знаниями преодолел снежные просторы и который, собственно, явил миру и превзошел известностью их всех. И если десятки мудрых, высокоучёных мужей живописали образы этих напыщенных персон, а сами персоны были известны лишь тысячам, то образ угловатого юноши в тулупе, сбжавшего за рыбным обозом в Москву, созданный скромными авторами детских книжек, стал родным и понятным миллионам и миллионам во многих поколениях. Именно этот неугомонный русский отрок пробуждал в юной поросли городов и сёл великие мечты, и именно таким остается Ломоносов в памяти большинства нашей страны.

Счастлива страна, которая может предложить детским взорам и умам безупречный, идеальный образ, зовущий к совершенству человеческой личности!

Ведущий научный сотрудник В.К. Новик

СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.В. ЛОМОНОСОВА

Студенческая конференция, посвященная 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова, состоялась на кафедре физики моря и вод суши.

Полтавская баталия». Мозаика М.В. Ломоносова в здании Академии Наук.
Санкт-Петербург. 1762–1764

Были заслушаны следующие доклады:

- «Ломоносов как основатель русского языка» – Тарасенко А.,
- «Метеорологические исследования М.В. Ломоносова» – Соколан С.,
- «М.В. Ломоносов и работа по открытию северо-восточного прохода» – Снизин И.,
- «М.В. Ломоносов и его вклад в развитие географии, океанологии и мореплавания» – Ким А.,
- «Ломоносов за границей» – Перескок Н.,
- «М.В. Ломоносов: наука о стекле» – Желтикова А.

*Зав. кафедрой физики моря и вод суши
профессор Показеев К.В.*

СЛОВО О М.В. ЛОМОНОСОВЕ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЕ «НЕДРА ЗЕМНОГО»

Наш великий соотечественник М.В. Ломоносов, 300-летие которого мы чувствуем сегодня, по праву считается основоположником российской науки. Известное высказывание Аполлона Григорьева о другом нашем национальном гении — А.С. Пушкине, характеризующее силу проникновения его в духовность народную, — «Пушкин наше все» — можно отнести и к Михаилу Васильевичу, когда речь касается материй научных. Трудно переоценить все сделанное им в этой области, в том числе для геофизической науки в России и, прежде всего, в Московском университете.

М.В. Ломоносов был первым русским ученым, который глубоко заинтересовался физическими процессами, происходящими в основных оболочках Земли. По этому поводу он высказал много интереснейших мыслей, догадок, создал ряд оригинальных геофизических приборов, в том числе и первый гравиметр; проводил натурные исследования, особенно в атмосфере. Он сформулировал ряд геофизических проблем, касающихся погоды и климата, течений в океане, землетрясений, тектонической активности, пространственных и временных вариаций магнитного поля и поля тяготения Земли, часть из которых нашла свое разрешение только в конце XIX века.

В виду ограниченности доклада во времени, очень кратко остановимся на работах М.В. Ломоносова, касающихся «недра земного», как именовал он наиболее недоступную для прямого исследования твердую оболочку Земли. **«Велико есть дело достигать во глубину земную разумом, куда рукам и оку достигнуть возбраняет натура, странствовать размышлениями в преисподней, проникать рассуждениями сквозь тесные расселины и вечною ночью помраченные вещи и деяния выводить на солнечную ясную...»** — писал он в своем знаменитом трактате «О слоях земных», где изложено, в основном, большинство его соображений о сущности того самого «недра земного». Этот труд М.В. Ломоносова, как считает профессор Г.Г. Леммлейн, написавший предисловие к переизданию его отдельной книгой в 1949 году, по законченности изложения «...является образцом ранней русской научной литературы. С несравненным мастерством переходит он (М.В. Ломоносов) от точного и образного описания явлений к строго обоснованным и убедительным их толкованиям» [1]. В справедливости приведенной характеристики труда М.В. Ломоносова автор настоящего доклада убедился лично, когда, прочитав с большим удовольствием «Слои земные», был поражен логичностью и стройностью изложения текста, образностью языка и многообразием оригинальных мыслей М.В. Ломоносова о строении Земли, процессах, в ней происходящих, и об её возможной эволюции. Очень сожалеею, что ознакомился с этим трактатом слишком поздно, поскольку, несмотря на некоторые устаревшие взгляды М.В. Ломоносова, например, на происхождение тепловой энергии в недрах, которое он связывает с выгоранием серы, тщательно это обосновывая, и некоторые другие, — этот труд чрезвычайно

полезен не только в фактическом, но особенно в методологическом отношении. Прав был академик П.Л. Капица, когда, готовя доклад «О творческом непослушании» о взаимоотношении гения и общества и о роли гения в развитии науки на примере М.В. Ломоносова, записал: «Когда говорят о Ломоносове в наши дни, то обычно говорят о его научных достижениях. Сейчас они нам не только понятны, но наука за эти 200 лет настолько ушла вперед, что кажутся самоочевидными, и, чтобы понять силу гения Ломоносова, нам надо вообразить себя на уровне культуры того времени» [2].

Что касается наук о Земле, как раз чтение «Слов земных» и сравнение высказанных в этой работе мыслей с уровнем геологической и геофизической науки того времени, со взглядами на Землю других ученых — современников М.В. Ломоносова — открывает силу его гения в этой области.

Начав трактат с изложения известных на тот момент сведений о земной поверхности и отметив роль воды и ветра в формировании лика Земли, М.В. Ломоносов разделяет формирующие силы на внешние и внутренние и делает вывод о преобладающей роли внутренних сил в образовании гор, вулканов, тектонической активности и происхождении землетрясений, тщательно обосновывая свои выводы многочисленными примерами. Обсуждая образование гор, он пишет: **«Сила, поднявшая такую тягость, ничему... приписана быть не может, как господствующему жару в земной утробе»**. О решающей роли тепла Земли как внутренней силы он много рассуждал и в ранее произнесенном им «Слове о рождении металлов от трясения Земли» (6 сент. 1757 г): **«За истинную и общую причину земного трясения, со всеми почти нынешними и древними философами подземельный огонь признаваю»**, — и пытался оценить глубину расположения источников этого жара. Опираясь в рассуждениях на проявление тектонической активности, особенно в процессах землетрясения, а также на вулканическую деятельность Земли, он заключает: **«...коль ужасна должна быть глубина оных потаенных пропастей и коль толсты их своды. Простираясь по мере современных трясений иногда до трех тысяч верст, держатся не везде подпорами, то есть подземными горами, но и собственною крепостию и толстотою, которую ежели только в сотую долю положить против обширности, тридцать верст найдем...»**. А по поводу толщины сводов, поддерживающих Тибетские горы, М.В. Ломоносов пишет: **«... ежели положить только сотую часть их поперечника, то, несомненно, должны быть на 70 верст толщиной, считая большой поперечник Азии в семь тысяч верст»** [1]. Приведенные цифры — это средняя толщина континентальной земной коры под платформами и горами, соответственно, подтверждены были геофизическими методами (сейсмологией, гравиметрией) лишь в XX веке. Не удивительно ли?

Что касается вулканов, которые М.В. Ломоносов связывал с образованием трещин в слоях земных от землетрясений, то они — **«...есть не что иное, как трубы или отдушины, коим выходит подземного пожара излише-**

ство.» Их долговременное существование Ломоносов также считал доказательством большой глубины «...где **жительствоет сила возвышающая и опровергающая горы**», то есть «огонь подземельный». Так, оценив количество вулканического материала, выбрасываемого Этной и Везувием на протяжении веков, он заключает: «...**Толь великое количество естлибы из самых оных гор, или хотя бы из подземных мест в Неаполе и Сицилии выгорело, то бы конечно уже давно в выеденную под ними пропасть слабые своды провалились, отягощенные вагою самих эти гор..., но безмерна глубина потаенной хляби, и потому своды толщины ужасной не допускают обрушиться оным землям**» [1].

Рассматривая и подробно обсуждая известные в его время «огнедышащие горы», частоту их извержений, существование жизни подо льдом в Океане и что «... **сам великий Океан внутренней земной теплоты бессомнительный есть показатель... и что дно морское без лучей солнечных от внутреннего земного огня довольно теплоты получает**», — он делает вывод о повсеместном распространении глубинных источников тепла на земном шаре. Однако, по Ломоносову, они расположены неравномерно и значительно мощнее и обширнее в местах, где действуют вулканы и, в частности: «...**Етна, Везувий, Липара и многие острова на Архипелаге, которые хотя не непрерывном жаром, однако частым отрыванием пламени из самой глубины ясно показывают, что Тирренское и Эгейское море над подземным огнем разливаются**» [1]. Действительно, во второй половине XX века экспериментально установлено, что тепловой поток под дном этих морей удивительно высокий. Открыты и другие так называемые «горячие точки» на поверхности Земли, которые ученые в концепции тектоники плит связывают с восходящими из больших глубин ветвями конвективных течений в мантии.

Особенно интересным для геофизиков, изучающих строение Земли и процессы, проявляющиеся в её тектонической активности (образование гор, разломов, извержения вулканов, и др.), являются взгляды М.В. Ломоносова на «земные трясения», причину которых он видел в перераспределении глубинной теплоты земного шара. Подразделяя землетрясения на быстрые и «нечувствительные долговременные», к которым он относил медленные вековые колебания земной поверхности, проявляющиеся в рождении гор и ущелий, в наклонах земных слоев, в разрывах и сдвигах рудных жил, он выделяет 4 возможных их типа: «**Страшное и насильственное оное в натуре явление показывается четырьмя образы. Первое, когда дрожит земля частыми и мелкими ударами... Второе, когда, надувшись, встает кверху и обратно перпендикулярным движением опускается... Третье, поверхности земной наподобие волн колебание бывает весьма бедственно, ибо отворенные хляби на зыблющиеся здания и на бледнеющих людей зияют и часто пожирают. Наконец, четвертое, когда по горизонтальной плоскости вся трясения сила устремляется, тогда земля из-под строений якобы похищается...**» [1, 3].

В приведенной цитате специалисты-сейсмологи легко могут усмотреть образное описание механизмов очага землетрясения. Нужно отметить, что волнообразное движение земной поверхности при землетрясении устанавливается и описывается Ломоносовым в 1757 году, в «Слове о рождении металлов от трясения Земли», несколько ранее, чем Майчелом, которому по обыкновению приписывают это открытие (1760), и задолго до Юнга, второго претендента в западном мире на первенство открытия этого явления.

Две другие, не менее важные в геофизическом отношении работы Ломоносова, читаны им в публичном заседании Академии Наук 7 мая 1759 г. — «Рассуждение о большей точности морского пути» и «Размышления о точном определении пути корабля на море» [3]. Сами названия уже говорят о практической направленности этих исследований, связанных с развитием мореплавания в России, вздыбленной преобразовательской деятельностью Петра Великого.

В этих работах путем рассуждений, основанных на наблюдениях за поведением стрелки компаса, Ломоносов вслед за У. Гильбертом (1600) приходит к выводу, что Земля — гигантский магнит **«из разных великих частей разной доброты составленный или из многих магнитов разной силы в один сложенный, которые по своему положению и крепости сил действуют»**, — а по сему **«то необходимо следует — заключает он, — что на ней, по разности мест разное магнитной стрелки склонение»**. Временные же вариации направления магнитного поля в данном месте он связывает с меняющимся положением других планет относительно Земли, с возмущающим действием их «магнитной материи». Для построения магнитной теории и усовершенствования на ее основе точности морского пути он призывает мореплавателей записывать наблюдения «магнитной силы во всех странах», т.е. высказывает идею необходимости геомагнитной съемки с помощью самопишущего компаса (прообраза магнитографа). Именно в этих работах четко прослеживается принцип методологического обобщения Ломоносова, сформулированный им в первых фразах «Рассуждения» — **«Из наблюдений устанавливать теорию, через теорию исправлять наблюдения — есть лучший всех способ к изысканию правды»**.

В третьей главе «Рассуждения», озаглавленной «О сочинении теории морских течений», стараясь объяснить морские движения или приливы «помешательством в тяготении», т.е. возмущениями гравитационного поля Земли, связанными с относительным движением Луны, Земли, Солнца, Ломоносов описывает способ и прибор для наблюдений за этими возмущениями. Полагая, что под влиянием перемещений морских толщ, вызванных периодическими возмущениями, будет меняться направление силы тяжести, он пытается обнаружить эту «перемену направления к центру падающих вещей» с помощью своего «великого пендула» (маятника). Здесь же описан другой замечательный прибор, предназначенный уже для измерений величины силы тяжести, являющийся, по существу, прародителем семейства первых гравиметров, основанных на статическом принципе. С помощью этого прибора,

представляющего модификацию им же разработанного в 1749 г. «**универсального барометра**», Ломоносов, по его мнению, «старался усмотреть, не воспоследуют ли в собственной тягости ртути перемены, согласные с переменами вышеописанного отвеса» — т.е. маятника. К сожалению, такого согласия Ломоносов не обнаружил, хотя совершенно правильно предугадал его существование. Две причины помешали ему это сделать: во-первых, недостаточная точность приборов, а во-вторых — несовершенная методика наблюдений, предполагавшая измерения только в одной точке.

Заканчивая краткий и беглый обзор взглядов М.В. Ломоносова на недра Земли и на процессы, в них происходящие, отметим еще раз, что для объективной оценки значительности и важности его научных трудов в этой области нужно помнить, что творил он во времена, когда не только геофизики, но и геологии как науки о Земле, еще не существовало. Это был период накопления фактов, простого описания наблюдаемых на поверхности Земли явлений, методы исследования были неразвиты, аппаратная база отсутствовала, информационный обмен между учеными был минимален. Все приходилось делать самому, опираясь на опыт и догадки предшественников, в чем он немало преуспел, в том числе и в области наук о Земле. И сегодня, в день 300-летия со дня рождения М.В. Ломоносова, здесь, в Московском университете, справедливо носящем его имя, — поклонимся ему.

Литература

1. М. Ломоносов. О слоях земных. Госгеолиздат, М-Л, 1949, 211 с
2. Академик П.Капица. О творческом «непослушании», «Наука и жизнь», 1986, №2, с. 80
- 3.М.В. Ломоносов. ПСС, Из-во АН СССР, т.4, М-Л, 1955, 830 с.

Профессор Г.И. Петрунин

ССО НА РОДИНЕ М.В. ЛОМОНОСОВА

В конце 70-х годов в МГУ была начата подготовка к приближающемуся 225-летию университета. В рамках этой подготовки Комитет комсомола МГУ принял решение о шефстве над родиной Ломоносова и включении Архангельской области в число основных мест работы студенческих строительных отрядов (ССО). За право представлять МГУ на родине Ломоносова — в Холмогорском районе — развернулось острое соревнование между извечными друзьями-соперниками: физиками и химиками. Победа оказалась за нами, и в 1977 году основным местом дислокации и работы факультетского ССО стал Холмогорский район с районным штабом в селе Холмогоры. Неподалеку, в одном-двух километрах, на острове в Северной Двине, в селе Ломоносово родился и вырос М.В. Ломоносов.

Районный ССО состоял из 12 отрядов с суммарной численностью 480 бойцов ССО, как их тогда называли. 3 отряда работали за пределами Холмогорского района (один, «Соловки-77», ОРФ (тогда формирование линейных отрядов было распределено между всеми отделениями факультета), командир И. Митин) реставрировал Соловецкий кремль, один («Эврика», ОЯФ, командир Е. Титаренко) строил птицеферму в пос. Уйма вблизи Архангельска и один («Малые Корелы» ОЯФ, командир И. Аншуков) занимался реставрационными работами в музее деревянного зодчества в Малых Корелах под Архангельском.

Остальные 9 отрядов работали на территории Холмогорского района. Они были дислоцированы вдоль местной «дороги жизни», Вологдо-Архангельской магистрали (ВАМ) — строившейся тогда в рамках программы развития Нечерноземья асфальтированной (это редкость для тех мест даже сейчас) шоссеиной магистрали (по одному ряду в каждую сторону) от Архангельска до Вологды и далее — на Ярославль и Москву, вдоль старой дороги, по которой Ломоносов и шел в середине XVIII века с обозом в Москву. В райцентре, с. Холмогоры (кстати, архангельский говор в таких названиях, которых там очень много вокруг (Матигоры, Карпогоры и др.), требует ставить ударение на первом слоге), один отряд («Холмогоры-77», ОЭТФ, командир А. Берзин) работал на реставрации каменной церкви 19 века (во времена Ломоносова она была еще деревянной), а другой («Белые ночи», ОРФ, командир В. Клепиков) — в Холмогорском дорожном ремонтно-строительном управлении на модернизации дорожной сети района. Надо сказать, что устранением этой одной из самых главных российских бед (дороги!!!) занималась треть всего районного отряда — кроме Холмогорского, еще два отряда: «Монолит», ОЭТФ, командир В. Пономарев, строительство дороги в г. Емецк и «Дорадо», ГАИШ, командир О. Пахомов, строительство дороги на самом в то время авангардном участке стройки, д. Звон на границе Холмогорского и Виноградовского районов (дальше старую дорогу можно было считать проезжей только очень условно, в сухую погоду). Все остальные отряды («Сполохи» (ОФТТ), командир И. Ярембаш; «Спектр» (ОЭТФ), командир А. Васильев, ныне зам. декана; «Двина» (ОФТТ), командир С. Гордеев; «Геофизик» (ОГФ), командир Р. Насимов; «Протон» (ОЯФ), командир Б. Шемаев) были заняты строительством и ремонтом сельхозобъектов (фермы, хранилища, мелиорация), а также жилья, школ, детсадов в поселках и леспромхозах.

Вообще, с помощью ССО, как всегда, решалась триединая задача:

— **экономическая:** уменьшение острого дефицита рабочей силы, особенно в «неудобных» периферийных районах и особенно в горячее для строительства летнее время. Районный отряд за 1,5–2 летних месяца построил (или отремонтировал) 43 объекта с общей стоимостью работ 2,1 миллиона советских рублей, выполнив львиную долю (больше половины!) летней программы строительства/ремонта в районе.

— **социальная:** приближение условий жизни в этих «неудобных» районах к элементарным цивилизованным нормам обеспеченности жильем, дорогами, условиями быта (строительство магазинов, школ, детсадов, регулярные консультации и прием населения врачами отрядов), культурно-просветительская работа (за время работы агитбригада каждого отряда давала 5–6 концертов в сельских клубах, лекторские группы прочитывали 8–10 лекций по широкому, практически ничем не ограниченному кругу тем (например, читались лекции и проводились занятия по йоге), организовывались кружки и спортивные секции при школах и многое, многое другое);

— **воспитательная:** знакомство студентов со страной, в которой они живут и с реальными, непарадными сторонами жизни в ней большинства ее жителей.

Первые две составляющие для родины Ломоносова были тогда большими жизненно важными проблемами, остались они ими, видимо, и до сих пор (как недавно было показано в качестве большого достижения даже по центральному телевидению, лишь только в прошлом году обновили паром, осуществляющий переправу из Холмогор через рукав Северной Двины на остров Ломоносово).

Что касается третьей составляющей, то надо сказать, что это замечательные, красивейшие места со многими природными и архитектурными достопримечательностями, которые стремились и стремятся посмотреть множество людей: Соловки, Малые Корелы — всем известные архитектурные памятники в живописнейших местах, Сийский монастырь (XVI век, окрестности г. Емецк на пути следования обоза Ломоносова), д. Орлецы (отряд «Двина») стоит на красивейшем утесе в месте крутого поворота Двины, являющегося одной из признанных достопримечательностей Северной Двины. Однако добраться до них было непросто и из-за их удаленности (например, до места дислокации отряда «Геофизик» в деревне Пукшеньга или отряда «Протон» в поселке Двинской, в заповедных таежных лесах за Емецком, даже от Холмогор надо было добираться автобусом, на катере и пешком в течение всего светового дня (в тех северных краях летом это больше 20 часов)) и из-за других трудностей (на Соловках, например, тогда еще базировалась одна из частей Северного флота, стояли военные корабли и въезд на остров был ограничен). Поэтому третья составляющая триединой задачи ССО в Холмогорском районе тоже полностью решалась: и места, каких нигде не сыскать, и реальную жизнь вне столицы такой, какая она есть в действительности, наши студенты видели и запоминали надолго и прочно, что не могло не сказаться на их мировоззрении.

Поэтому можно уверенно сказать, что тогда, в 1977 году, было начато очень хорошее, нужное и для родины Ломоносова, и для наших студентов дело, которое успешно продолжалось и в следующем, 1978 году, и в последующих годах вплоть до середины/конца 80-х годов, когда движение ССО

было свернуто по всей стране, за одним-единственным исключением: отряд «Соловки», который выжил и тогда, жив и сегодня.

В заключение хотелось бы сказать, что времени с тех пор прошло немало, а проблемы там, похоже, все те же и помощь в их решении молодых, сильных рук и умных, светлых голов воспитанников детища Ломоносова его родине совсем не помешала бы.

*Е. Солдатов,
командир Холмогорского районного ССО
в 1977–78 годах.*

**ЛОМОНОСОВ
И ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ:
ПОСЛАНИЕ ИЗ XVII ВЕКА
(№2 (93), 2012)**

Михаил Ломоносов по праву признаётся русским гением. Вспоминая «Памятник» Александра Пушкина, можно утверждать, что он будет славен, доколь в подлунном мире жив будет хоть один подлинный приверженец науки.

Не зря говорят, что «вселенная Ломоносова» включала астрономию, физику, химию, геологию, металлургию, навигацию, географию, метеорологию, демографию, военное дело, филологию, стихосложение, риторику, декоративно-прикладное искусство и др.

Беспредельная преданность Ломоносова делу, которому он служил, — науке — общеизвестна, отражена в его афоризмах и воспета в стихах. Самое известное из них стало хрестоматийным:

*Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.*

Но почти столь же возвышенно звучит и ломоносовская проза: «*Наука есть ясное познание истины, просвещение разума, непорочное увеселение жизни, похвала юности, старости подпора, строительница градов, полков,*

крепость успеха в несчастии, в счастье украшение, везде верный и безотлучный спутник».

Для нас не менее важно и другое: Ломоносов — не только крупнейший учёный, но один из крупнейших педагогов и просветителей XVIII века. Ещё раз вспомним Пушкина: *«Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом».*

Спустя 300 лет со дня рождения великого соотечественника отнюдь не устаревшим представляется вопрос: насколько научно-образовательная и политическая элита страны усвоила курс этого «университета» и его уроки. При этом, забегая вперёд, не могу не вспомнить цитату из некогда популярной песни:

*Часто простое кажется вздорным,
Чёрное — белым, белое — чёрным.*

Обратимся же к педагогическому и образовательно-политическому наследию Ломоносова.

Урок первый: русский язык – база науки, образования и культуры

Привязанность человека к своему языку столь же естественна, как к «родному пепелищу» и к «отеческим гробам» (Пушкин). Естественно, и Михаил Ломоносов разделял это чувство. Классическим стало следующее его высказывание: *«Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским с друзьями, немецким с неприятелем, итальянским с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».*

Гордясь русским языком, Ломоносов его не только пропагандировал, но и развивал. Именно он:

во-первых, положил начало традиции чтения лекций на русском языке. До него в России они читались по латыни;

во-вторых, создал первые русские учебники по различным предметам;

в-третьих, обогатил родной язык научной терминологией в различных областях знания.

Рекомендации Ломоносова в этой области остаются актуальными и в настоящее время: оставлять непереверждёнными слова лишь тогда, когда невозможно подыскать равнозначный русский аналог; а когда иностранное слово уже получило распространение, придавать ему форму, наиболее близкую русскому языку. Именно Ломоносов ввёл в науку ряд русских слов, которые до того имели бытовое значение: опыт, движение, явление, частица и др.

В результате ломоносовская научно-техническая терминология постепенно заменила прежние термины.

Принято считать, что в области собственно педагогики именно Ломоносов ввёл в научное употребление такие понятия и термины, как воспитание (воспитатель, воспитанник), гимназия (гимназисты), занятия, знания, классы, лекции, обучение (учение, познание), урок и другие. При этом часть терминов была заимствована из уставов европейских учебных заведений: академия, куратор и др.

Нельзя не обратить внимания на то, что ломоносовская традиция отношения к русскому языку была продолжена другими выдающимися отечественными мыслителями и деятелями культуры. Вспомним, как возмущался засильем французского в дворянской среде Александр Грибоедов и требовал:

*Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев*

(т.е. в данном контексте — за иностранцев).

В общем плане ещё более жёстко по поводу бездумного поклонения иной культуре высказывался выдающийся русский европеец Фёдор Тютчев:

*Напрасный труд – нет, их не вразумишь,—
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация — для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы.*

Похоже, современной отечественной культуре урок Ломоносова и его последователей не пошёл впрок, причём сразу по двум направлениям:

во-первых, несмотря на Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», вывески и реклама в крупных городах, речь ведущих на молодёжных теле- и радиоканалах да и многих политиков всё менее и менее напоминают о том, для какой страны всё это предназначено;

во-вторых, стремительно падает общая грамотность населения, в т.ч. в результате введения Единого государственного экзамена. Так, по сообщениям прессы, в октябре 2009 г. для всего первого курса дневного отделения факультета журналистики МГУ был проведён общий диктант. В итоге из 229 человек только 41 студент (18%) сделали в тексте меньше восьми ошибок (восемь и ниже ошибок преподаватели решили принять за норму). Соответственно, 188 студентов (82%) с заданием не справились. При этом из 15 стоballьников ЕГЭ

зачёт смогли получить только 5, а в одной такой работе было сделано 25 ошибок. Следует учесть, что на факультете журналистики МГУ средний балл ЕГЭ по русскому языку в 2009 г. составлял 83, тогда как по стране в целом — 56. Преподаватели с трудом расшифровывали в диктантах слова типа «софетских» (советских), «профисионаленое» (профессиональное), «щетаца» (считаться), «двух яростная» (двухъярусная), «оррестованы» (арестованы), Астап Блендер (Остап Бендер), поциэнт (пациент), рыца (рыться), удастса (удастся), врочи (врачи), нез наю (не знаю), генирал (генерал), через-чюр (через чур).

Авторы проекта государственной программы Российской Федерации «Развитие образования на 2013–2020 годы» признают, что около 20% российских старшеклассников оказались функционально неграмотными в смысле грамотности чтения: текст могут прочесть, но не понять. Падение престижа родного языка в стране и уважения к нему неминуемо приводит к деградации культуры.

Урок второй: по своим основным целям образование имеет гражданско-патриотический, как сказали бы теперь, некоммерческий характер

При этом представление о смысле образования у Ломоносова естественным образом увязывалось с аналогичным представлением о смысле жизни. В духе всей классической истории философии он утверждал: *«Не для того мы живем на свете, чтобы насыщаться, но для того насыщаемся, чтобы жить»*. Соответственно, по мнению создателя первого российского университета, образование содержит в себе глубокий общественный и личный смысл.

Общественный смысл образования — «служение на пользу и славу Отечества». Напомню: понятие «образовательных услуг» было чуждо всей классической истории философии и педагогической мысли. В России оно вошло в употребление лишь в постсоветский период в рамках примитивного экономического подхода к образовательному процессу. И при этом вызывает заслуженную критику с разных сторон. Так, Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл высказался следующим образом: *«Образование, как и оборона страны, — это не частное дело людей, а такая сфера общественной жизни, от которой зависит существование государства. Это стеновой хребет существования общества, и потому перевод образования исключительно в сферу предоставления рыночных услуг является, на мой взгляд, большой ошибкой»*.

Конкретизируя смысл образования, Ломоносов ставил перед созданным им университетом три задачи:

- 1) развитие наук (в особенности философии, естествознания, истории, русской грамматики, права и медицины);
- 2) популяризация научных знаний — собственно просветительская деятельность, целям которой должны были служить библиотеки, лекции и выпуск книг;

3) подготовка кадров, в т.ч. в области науки, экономики и государственного строительства.

Отмечу: основные задачи университета, сформулированные в действующем Законе РФ «Об образовании», весьма похожи на те, которые ставил выдающийся русский мыслитель почти 300 лет назад.

Ломоносову чужда была идея образования как усвоения простой суммы знаний или даже выработки умений (компетенций). При всей важности того и другого, он отдавал приоритет формированию духовно-нравственных качеств, которыми должен обладать образованный человек. Вот неполный их набор, особо выделяемый Ломоносовым: мудрость, благочестие, воздержание, чистота, милость, благодарность, великодушие, терпение, незлобие, простосердечие, постоянство, трудолюбие, дружелюбие, послушание, скромность. Разумеется, этот список несёт на себе печать времени. И всё же он представляется гораздо более глубоким, чем примитивная пропаганда жизненного успеха любой ценой, фактически поставленная во главу воспитания в современной России.

В условиях, когда в международных рейтингах коррупционных ожиданий наша страна оказалась на 154 месте, особую актуальность вновь приобрело следующее высказывание Ломоносова: *«А сверх того учением вкоренилте всем в мысли, что... обманщик, грабитель, неправосудный мздоимец, вор и другими образы ближнего повредитель прощенья не сыщет, хотя бы он вместо обыкновенной постной пищи в семь недель ел щепы, кирпичи, мочало, глину, уголье и большую бы часть того времени простоял на голове вместо земных поклонов».*

Общее представление о целях образования сказывается и на предложениях Ломоносова в области управления. По его мнению, во главе учебного заведения должен стоять педагог, преследующий, прежде всего, собственно образовательные цели. Так и хочется добавить: вовсе не менеджер, которому всё равно, чем управлять, лишь бы достигался хороший финансовый результат! К сожалению, именно такой подход утвердился в последнее время в представлениях российской политической элиты. Последствия известны. Среди них — данные социологического опроса, согласно которому 55% опрошенной российской молодёжи признались, что во имя жизненного успеха готовы преступить элементарные нормы нравственности и справедливости, что называется, все 10 заповедей.

Урок третий: фундаментальность образования как основа его прикладного назначения

В педагогике и философии образования спор классического и модернистского направлений относительно его содержания начался лишь спустя полтора века после написания трудов Ломоносова. Однако если бы основоположник отечественной науки мог принять участие в этом споре, он навер-

няка оказался бы на стороне «классиков», разумеется, с учётом исторического времени.

Заслуга Ломоносова состоит в том, что он стремился поднять в школьном и последующем образовании роль естествознания, естественных наук, хотя, в соответствии с современной ему традицией, естественные науки изучались в рамках философии. Вот лишь некоторые известные высказывания Ломоносова о научном познании:

«Один опыт я ставлю выше, чем тысячу мнений, рожденных только воображением»;

«Разум с помощью науки проникает в тайны вещества, указывает, где истина. Наука и опыт — только средства, только способы собирания материалов для разума».

Целям естественнонаучного образования служили собственные труды Ломоносова: «Элементы математической химии» (1741); «Введение в истинную физическую химию» (1752); «Опыт физической химии, часть первая, экспериментальная» (1752-53) и др.

Ломоносов предложил поделить все школьные предметы на обязательные и дополнительные. К последним он относил, в частности, иностранные языки: греческий, французский, немецкий. Изучение же естественных наук считал обязательным.

Отечественная образовательная политика, в особенности в советский период, долгое время следовала представлениям Ломоносова. Во многом благодаря этому отечественная образовательная система была признана одной из лучших в мире, а молодое поколение 1960-х гг. входило в тройку наиболее образованных для своего времени среди всех современников. Ещё в начале 1990-х гг. Мировой банк в известном докладе «Российское образование в переходный период» признавал, что уровень естественно-математической подготовки российских школьников значительно выше, чем в большинстве стран Организации экономического сотрудничества и развития.

Однако в настоящее время тенденция изменилась. Ситуация дошла уже до того, что, согласно опросу ВЦИОМ 2011 г., 32% опрошенных считают Солнце спутником Земли. В 2007 г. таких было 28%. Число людей, для которых Коперника не существовало, в России продолжает расти.

Вот что пришлось говорить автору этих строк, выступая на политической пятиминутке в Госдуме 26 января 2011 г. после появления первой версии проекта образовательных стандартов для старшей школы, подготовленной группой А.М. Кондакова: «Берусь утверждать без всякого преувеличения, стандарт содержит прямую угрозу праву человека на качественное образование и, более того, национальной безопасности страны. Вот некоторые доказательства».

Авторы стандарта предлагают задавать на федеральном уровне только 40 процентов содержания образования. Все серьёзные эксперты говорят одно и то же: если этот показатель меньше 70 процентов, единое образовательное пространство разваливается.

Старшеклассник, переходя из одной школы в другую, переезжая в другой город, переезжая в другой регион, фактически оказывается в другом образовательном пространстве.

Кроме того, стандарт предлагает нам сохранить только три обязательных предмета: Россия в мире, физкультура и ОБЖ, да ещё некий индивидуальный проект. Что касается других предметов, то они будут по выбору. Например, русский язык, русская литература, родной язык, родная литература — выбирайте одно, максимум два. История, обществознание, география, экономика, право — выбирайте одно, максимум два. Естествознание, физика, химия, биология, экология — выбирайте одно, максимум два.

Кстати, если хотите получить полноценное образование, за другие предметы придётся платить.

Я думаю, вы понимаете, что после этого на всяких программах модернизации придётся ставить крест, потому что без литературы невозможно нравственное воспитание, потому что основные открытия делаются на стыке наук. И человек, который изучал только физику, уже никогда не сделает открытий ни в биофизике, ни в биохимии, ни в химической физике. «Сколково» после этого становится бессмысленным.

Я прошу Комитет по безопасности обратиться в Совет Безопасности России с просьбой рассмотреть проект новых стандартов и оценить его последствия для национальной безопасности нашей страны».

Не случайно проект федерального закона «О народном образовании», подготовленный общероссийским движением «Образование – для всех» при поддержке фракции КПРФ в Госдуме, содержит полный перечень обязательных предметов — т.н. золотой стандарт, включая все основные естественнонаучные дисциплины.

Урок четвёртый: отделение естественнонаучного образования от религиозного

В соответствии с духом времени Ломоносов был сторонником теории двойственной истины, которая в тот период позволяла заниматься наукой, уменьшая риск преследования учёных со стороны церкви. Вот вполне определённое высказывание на эту тему: *«Не здраво рассудителен математик, ежели он хочет божескую волю вымерять циркулем. Таков же и богословия учитель, если он думает, что по псалтире научиться можно астрономии или химии».*

Согласно Ломоносову, задача образования — научить школьников или студентов основам наук, оставив область веры богословам и служителям

церкви. Поэтому он предлагал модернизировать классическое западноевропейское представление об университетах, отказавшись от богословского факультета и сохранив философский, юридический и медицинский.

Парадоксально, но факт: в России XXI века, где образовательная система испытывает сильное давление со стороны церкви в пользу религиозного образования и введения креационизма, идея двойственной истины вновь оказывается способом сохранить светский характер образования и его фундаментальные научные основы. Говоря попросту, дело школы – изучение наук; религия же — частное дело каждого гражданина, которое не имеет отношения к компетенции системы образования. Разумеется, это никак не препятствует изучению религии как части культуры человечества.

Урок пятый: как по практическим, так и по ценностным основаниям России необходимо образование для народа — говоря языком современных документов ООН и ЮНЕСКО, образование для всех

Во времена, когда даже дворянских детей чуть не силой приходилось загонять в цифирные школы, Ломоносов требовал обеспечить доступ к образованию для разночинцев. Так, в 1746 г. он внёс в Академическое собрание документ «О привлечении семинаристов в университеты и об увеличении числа учеников гимназий». Документ был отвергнут, однако Ломоносов на этом не остановился. Он продолжал требовать открытия новых школ и участия всех членов Академии в педагогической деятельности.

В итоге Ломоносову удалось добиться двукратного роста числа гимназистов, в т.ч. за счёт расширения их, как мы сказали бы теперь, бюджетного финансирования.

Именно в интересах разночинцев Ломоносов постоянно требовал увеличения материального обеспечения гимназистов и студентов, а также строительства общежитий.

Увы, и эти идеи Ломоносова не утратили своей актуальности для России XXI в., как, впрочем, и для философии образования и образовательной политики в целом. Опыт века XX-го, включая СССР и Японию, показал: высокий общеобразовательный уровень народа в целом важнее для экономического и социального прогресса, чем ставка на особо одарённые таланты. Без массового качественного образования ни одна страна не сможет войти в новую стадию развития цивилизации, именуемую «обществом знаний», обществом профессионалов и т.п.

С другой стороны, высокий уровень социального неравенства в современной России требует не селективного подхода, не разделения детей на «одарённых» и «неодарённых», но создания условий для выявления одарённости в идеале у каждого ребёнка.

Только на базе массового образования и дополнительных мер поддержки в целях обеспечения равных возможностей есть шанс осуществить науч-

но-образовательный прорыв, в котором Россия XXI в. нуждается столь же, как и в веке XVIII-м. Напротив, не выучив уроков, завещанных нам Ломоносовым, страна рискует вернуться к тому состоянию, которое когда-то потребовало петровских реформ. Однако в XXI в. повторить модернизацию по Петру или по Сталину уже невозможно – она может базироваться только на развитии человеческого потенциала, а значит, на новом курсе образовательной политики, соединяющем лучшие отечественные традиции с достижениями самых передовых образовательных технологий.

О. Смолин <http://www.smolin.ru/news/3/2611/>

РАБОТЫ М.В. ЛОМОНОСОВА ПО ЭЛЕКТРИЧЕСТВУ (№2 (99), 2013)

2 июня 2011 г. на Межведомственном семинаре «Глобальные изменения природной среды», посвященном вкладу М.В. Ломоносова в развитие исследований природной среды выступил С.П. Перов (ЦАО) с докладом «Исследования М.В. Ломоносова в области физики атмосферы и метеорологии».

В основном докладчик сделал акцент на работы М.В. Ломоносова в области атмосферного электричества. Был дан краткий обзор о состоянии работ об электричестве в 17–18 веках (Гильберт, Ньютон, Герике, Рихман, Эпинус), и в особенности работ Б. Франклина по атмосферному электричеству. Ниже приведены фрагменты доклада, представленные докладчиком по нашей просьбе.

Летом 1753 г. М.В. Ломоносов и Г. В. Рихман провели уникальный эксперимент и с помощью громовой машины доказали, что, как писала газета Русские ведомости (1753, №45), «...сие наблюдение почитается за чрезвычайное. Из сего наблюдения явствует, что... электрическая сила без действительного грома быть может. Ежели второе правда, то не гром и молния электрической силы в воздухе, но сама электрическая сила грому и молнии причини». Ученые при огромном стечении народа устроили пальбу из целой батареи пушек, гром «сотрясал небо», но «электрический указатель» ничего не показывал («искусством произведенный гром электрической силы не показывает»).

6 августа 1753 года, когда оба ученых проводили наблюдения электрических явлений во время сильной грозы, каждый в своей домашней лаборатории, произошел трагический случай. Рихман приблизился к прибору на расстояние полуметра. И в этот миг в воздухе появился синеватый огненный шар размером с крупное яблоко. Он подлетел к голове Рихмана. Раздался сильный взрыв. Ученый откинулся назад и замертво рухнул на стоявший сзади сундук. Как предполагают некоторые исследователи, огненный шар, убивший замечательного ученого, был шаровой молнией.

Осенью 1753 г. была напечатана речь М.В. Ломоносова «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих». В ней ученый изложил свою теорию образования электричества в атмосфере. Она заключается в следующем. Существуют восходящие и нисходящие воздушные течения, ранее никем не замеченные. В то время как горизонтальные движения воздуха, то есть ветры, не производят электричества, восходящие и нисходящие потоки, вследствие трения частиц паров друг о друга, могут дать электричество. Грозы бывают чаще в 3–4 часа дня, так как именно в это время приземная часть атмосферы сильнее всего нагрета и легче и быстрее поднимается вверх. Если электрическая сила простирается до самой земли, то даже при наличии грозовой тучи молнии и грома нет; если же электричество до земли не доходит, то облако передает его земле круто — молнией и громом. Для предохранения домов от ударов молний нужно ставить в местах, удаленных от жилья, металлические стрелы, отводящие молнии в землю.

Из других работ М. В. Ломоносова по электричеству отметим его оставшуюся незаконченной статью «Испытание причин северных сияний». К ней ученый подготовил несколько десятков рисунков полярных сияний, с которых были сделаны гравюры на меди, сохранившиеся до нашего времени. Ломоносова очень интересовали также проблемы метеорологии. В 1751 г. он сконструировал анемометр — прибор для определения силы и направления ветра, а в 1754 г. пытался построить махолет, приводимый в действие часовой пружиной. Ученый предполагал использовать это устройство для поднятия самопишущих приборов в верхние слои атмосферы.

Обобщая свои исследования в области электрических и световых явлений, Ломоносов использовал понятие эфира. Эфир, по его мнению, это среда, заполняющая все пространство между телами и их мельчайшими частицами; сам он тоже состоит из движущихся частиц и служит для передачи теплоты и света. Эфир, в понимании М.В. Ломоносова, оказался очень близок понятию электромагнитного поля, введенному впоследствии М. Фарадеем.

Свои гениальные мысли о единой природе электричества и света ученый высказал в одном из наиболее значительных трудов — «Слове о происхождении света», опубликованном в 1756 г. В нем он подвел итог своим теорети-

ческим и экспериментальным изысканиям, начатым еще в 1749 г. при получении окрашенных стекол и исследовании природы цвета.

Работы Ломоносова по электричеству, бесспорно, оказали влияние на работы известных русских электротехников 19 века (Петров, Ленц, Лодыгин, Яблочков).

В настоящее время физики Москвы и Санкт-Петербурга (в т.ч. на физических факультетах обоих университетов), питерской фирмы «ОПТЭК», московских корпораций «Солнечный ветер» и «Физико-технической корпорации», ЦАО, Гидрометцентра России ведут успешную работу по разработке электрического метода воздействия на метеорологические процессы. Ведут, выполняя прозорливое высказывание Михаила Васильевича, смысл которого заключается в том, что нам ничего не надо было бы требовать от Бога, если бы мы научились предсказывать и управлять погодой.

*С.П. Перов,
выпускник физфака 1959 г.*

**ВЕЛИКОМУ ОТ ВЕЛИКОЙ:
КАК ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ ПРИЧИСЛИЛА
М.В. ЛОМОНОСОВА К СОНМУ ВЕЛИКИХ
(№4 (101), 2013)**

В Екатерининском парке (Пушкин — Царское село) после длительной реконструкции открылась Камеронова галерея. В ней в ряду бюстов героев античности по распоряжению Екатерины II был установлен бюст Михаила Васильевича Ломоносова. Так Екатерина Великая отметила роль основателя нашего университета: Ломоносов — Герой, заслуживающий того, чтобы стоять в одном ряду с Александром Македонским, Цезарем, Гомером, Сократом и другими достойнейшими.

То, что Михаил Васильевич Ломоносов не только ученый, внесший значительный вклад в развитие науки, образования, но и человек, жизнь которого в науке, личной и общественной жизни состояла из череды великих подвигов, убедительно показал в своей монографии В.К. Новик (М.В. Ломоносов, личность и образы. — М.: МАКС Пресс, 2011). Самый главный подвиг М.В. Ломоносова — вклад в формирование национального самосознания русского народа, национальной идеи. Величие этого подвига не оценено и поныне. Но он был и поныне играет свою роль!

Что такое Камеронова галерея?

Галерея была задумана как место для прогулок и философских бесед. Она расположена на границе регулярной и пейзажной частей Екатерининского парка и органично включена в комплекс Большого Екатерининского дворца. Фундаментальность аркад нижнего этажа и прозрачность верхнего этажа должна воплощать идею контрастов бытия. Белоснежные колонны придают

галерее необыкновенную легкость. На галерее в конце 18 века были установлены бронзовые бюсты великих предшественников. Строительство галереи начал Ч. Камерон, а закончил И.В. Неелов.

Со стороны Агатовых комнат вход в галерею открывает копия известного памятника Екатерине II, того, где у ее ног расположились ее сподвижники. Бюст Ломоносова — рядом.

Камеронова галерея со стороны регулярной части парка

Вход в галерею со стороны парка открывают Геракл и Флора

Конечно, подбор героев отражает мировоззрение Императрицы, но в широте взглядов, целенаправленности выбора ей не откажешь. В 1793 году по ее приказу в пантеон был помещен бюст Михаила Васильевича Ломоносова.

Как просто и гениально!

Императрица говорила: «Коль велико удовольствие честным душам видеть добродетели и заслуги общими похвалами достойно венчаемые».

И не только говорила, но и делала — достаточно посмотреть на памятники Екатерининского парка. На каждом указано, где, когда, кем, какой совершен подвиг. (Например, «русских было числом шесть сотен, кои не спрашивали многочислен ли неприятель, а в плен взяли 6000».)

Не безликая Победа безликого героя над безликим врагом. Везде приведено имя Героя.

Галерея исполнилось 240 лет. Спешите увидеть!

Показеев К.В.

ПАМЯТНИК ЛОМОНОСОВУ

(№1 (98), 2013)

В Марбурге (федеральная земля Гессен) на территории «Студенческой деревни» появился памятник великому русскому ученому Михаилу Ломоносову. Естествоиспытатель мирового значения, поэт и основатель Московского университета учился в этом немецком городе с 1736 по 1739

год, начал собирать здесь свою первую библиотеку, совершенствуя знания в различных областях науки. Инициатором открытия памятника является НОУ «Ломоносовская школа».

Идея напомнить о том, что жизнь Ломоносова непосредственно связана с Марбургом, зародилась в 2011 году – во время празднования 300-летия со дня рождения ученого. Теперь перед зданием имени Ломоносова на улице Гешвистер-Шолль-штрассе, 13 появилась бронзовая статуя студента Михаила Ломоносова высотой около 2,4 метра и весом

в 800 кг. Автор проекта и создатель памятника «Молодой Ломоносов, несущий на своей руке Московский университет» – скульптор Андрей Орлов. Участие в церемонии открытия мемориала приняли генконсул РФ во Франкфурте-на-Майне Руслан Карсанов, преподаватели Марбургского университета имени Филиппа, непосредственные инициаторы создания памятника – ученики «Ломоносовской школы», приехавшие на несколько дней погостить в Германию и специально подготовившие речи на немецком языке, сотрудники этого уникального образовательного учреждения.

Открытие памятника в Марбурге стало завершением богатого на события празднования 300-летней годовщины со дня рождения Ломоносова и реализации десятков проектов, посвященных памяти великого русского просветителя. Ломоносов не только получил в Германии знания в различных дисциплинах, включая математику, физику, химию, горное дело, но и сформировал здесь в значительной степени свое будущее мировоззрение. В Марбурге он работал под руководством знаменитого немецкого ученого, философа и математика Христиана фон Вольфа. С этим городом связана и личная жизнь Ломоносова, женившегося в 1739 году на уроженке Марбурга – Елизавете-Христине Цильх.

«Своими именами» №49, 2012

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ НА МАЛАХОВОМ КУРГАНЕ!

(№4 (107), 2014)

Это не шутка.

Бюст Михаила Васильевича Ломоносова установлен на центральной аллее Малахова кургана в Севастополе, ведущей от входа на курган к Оборонительной башне.

Малахов курган или Корниловский бастион — один из восьми бастионов, окружавших Севастополь с суши во время Крымской войны 1854–1855 гг. Являлся наиболее важным укреплением, поскольку господствовал над городом. Прославлен героизмом защитников в период первой и второй обороны Севастополя (1941–1942 гг.). Одно из наиболее посещаемых туристами мест города.

Защитниками Севастополя Малахов курган после смерти Корнилова, получившего на нем смертельное ранение во время первой бом-

бардировки города, был назван Корниловским бастионом. И поэтому, на мой взгляд, это название более правильное.

На Корниловском бастионе установлен ряд памятников защитникам бастиона в 1854–1855 гг. и 1941–1942 гг. В частности, обозначены места всех 9 батарей, установленных на бастионе в период первой обороны, установлены морские пушки первой и второй обороны, отмечены места смертельных ранений Корнилова и Нахимова. Место в прямом смысле полито кровью — во время Крымской войны ежедневные потери русских на бастионе составляли до 1000 человек. Да и неприятелю Корниловский бастион достался совсем недаром.

В этом году на центральной аллее Корниловского бастиона появилась галерея бюстов выдающихся россиян, созданная на средства спонсоров из города Кропоткин. Работы выполнены в рамках мероприятия «Аллея Российской славы».

Галерею открывают бюсты М.В. Ломоносова и А.С. Пушкина. Вероятно, число бюстов будет возрастать, пока там, кроме Ломоносова и Пушкина, установлены бюсты Михаила Юрьевича Лермонтова¹, Суворова, Кутузова, Ушакова, Скобелева, командующего ВМФ СССР в период Великой Отечественной войны Николая Герасимовича Кузнецова, командующего ВДВ СССР Василия Филипповича Маргелова, Алексея Прокопьевича Береста — политработника, под руководством которого было установлено Знамя Победы над Рейхстагом и, по мнению многих, незаслуженно обойденного наградами. История водружения Знамени Победы над Рейхстагом подробно описана в «Советском физике» — см. №2(99) за 2013 год и № 5(82) 2010 год.

Выбор Героев, бюсты которых установлены на аллее Корниловского бастиона, нетрадиционен, что, вероятно, отражает специфику города и представления организаторов акции, но должен быть воспринят с пониманием и уважением.

Показеев К.В.

¹ Отраднo, что это произошло в год двухсотлетия со дня рождения поэта. М.Ю. Лермонтову «не везло» на юбилей — 1914, 1941 гг... Судя по всему, 200-летие пройдет тоже незаметно.

ПАМЯТИ
МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОМОНОСОВА
(№6 (115), 2015)

В этом году мы отмечаем сразу две важные даты: 260-летие со дня основания Московского университета и 250-летие со дня кончины великого русского гения Михаила Васильевича Ломоносова. Его именем назван наш университет. Он, действительно, принял важную роль в его создании, подготовив проект, снабдив им Ивана Ивановича Шувалова, который, в свою очередь, сумел убедить императрицу Елизавету Петровну в необходимости создания первого в России университета. При этом Ломоносов являл собой пример настоящего учёного, который всегда и везде искал возможности для обучения и творчества, преодолевая огромные препоны, испытывая большие трудности на своём пути. Это говорит о том, что Московский университет совершенно осознанно носит имя этого великого человека. «Ломоносов был великий человек — сказал великий поэт Александр Пушкин, — Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом». Будучи настоящим гением, Ломоносов совмещал в себе множество талантов и трудился по совершенно разным направлениям. Количество его трудов довольно велико, и хочется в рамках данной статьи упомянуть о наиболее важных его трудах, выделяя при этом наиболее важные периоды его жизни.

Грамоте Ломоносов начал учиться в возрасте одиннадцати лет у местного дьячка, довольно быстро переняв у него все знания. Имея большую тягу к знаниям, Михаил Васильевич сумел, живя в одной из поморских деревень на самом севере, достать учебник Смотрицкого по грамматике и Магницкого по арифметике. По его признаниям, он выучил эти книги наизусть. В академической биографии Ломоносова (1784 год) утверждается, что, желая продолжать обучение, он тайно убежал из родного дома за обозом, идущим в Москву, упробив приказчика взять его собой, чтобы посмотреть Москву. Там он, испытывая ряд трудностей и не имея никаких знакомых, кроме приказчиков из Холмогор, можно сказать, чудом устроился в славяно-греко-латинскую академию, обучение в которой прошёл вдвое быстрее плана, и, далее, в числе двенадцати лучших выпускников он был переведён для учёбы в Петербургскую Академию наук. В ней он стал одним из трёх лучших слушателей, с которыми его отправили в Германию для учёбы у известного систематизатора науки Христиана Вольфа основным наукам, а также у знаменитого физика Генкеля горному делу. Прекрасно отучившись в Марбурге у Вольфа, Михаил Васильевич с отличными отзывами переехал во Фрайберг к Генкелю, с которым сразу отношения не заладились ввиду того, что господин профессор устроил полный контроль за студентами, распоряжаясь деньгами, которые высылались из России на их обучение, и недодавал самого главного — знаний. Вскоре Ломоносов принял решение покинуть Фрайберг и уехал от Ген-

келя с твёрдым намерением вернуться на Родину. Предприняв ряд тщетных попыток вернуться домой, побывав в плену в прусской казарме, поучившись в Лейдене горному делу, а также немного поизучав на рудниках в Гессене и Зигене технологию добычи, он решил на время остаться в Марбурге у жены, продолжая заниматься наукой и не зная, где достать денег на дорогу домой. Как оказалось, его уже искал посол, чтобы передать ему приказ на возвращение, а также сто рублей. Оформив необходимые документы в канцелярии Марбургского университета, он выехал в Россию.

К этому времени Михаилом Васильевичем уже было сделано два трудодиссертации по физике. Также он, глядя на плачевное положение русской поэзии, несколько реформированной в лучшую сторону стараниями академика Третьяковского, работал над её улучшением. Он сочинил небывалую для России поэму — «Оду на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года» — и доказал, что именно русский язык позволяет сочинять стихи и ямбом, и хореем, и анапестом, и дактилем, и амфибрахием. В этом же 1739 году Ломоносов отправил в Петербург своё «Письмо о правилах российского стихотворства», которое с того времени сделалось главным на многие десятилетия руководством для отечественных поэтов.

Вернувшись в Россию в 1741 году, Ломоносов обнаружил ничтожное количество русских кадров во всех сферах государственной жизни, и это было неизбежно ввиду слишком малого количества образованных русских. Нужны были люди, которые могут и умеют управлять производством, обеспечивать строительство, добычу полезных ископаемых и прочее. В Академии наук всем заведовал секретарь Канцелярии Шумахер, который не торопился переводить Ломоносова на должность ординарного профессора, которая была ему обещана ещё до отъезда за границу по возвращении. Учитывая неприятный инцидент с побегом после конфликта с Генкелем, Михаил Васильевич вынужден был терпеть. Но через пару месяцев путём дворцового переворота на престол взошла дочь Петра Великого, Елизавета Петровна. В стране сразу же ощутилось веяние «нового времени», при этом из Фрайберга неожиданно пришла отличная характеристика Ломоносова от Генкеля. Михаил Васильевич осознал, что наступило время действовать, и подал прошение о производстве в адъюнкты непосредственно Шумахеру, обращаясь в нём к самой императрице. Шумахер удовлетворил предложение и перевёл Ломоносова в адъюнкты. В начале

1742 года в Сенат было подано несколько жалоб на Шумахера, где его обвиняли в воровстве, в том числе и тех денег, которые выделялись на обучение русских студентов в Германии. Михаил Васильевич был в числе тех, кто писал жалобы. Шумахера поначалу арестовали, но потом под влиянием ряда прошений и дворовых интриг помиловали, назначив ему выплатить минимальный штраф. Ломоносов был огорчен торжеством лжи над правдой и вступил в открытый конфликт с членами Академии Наук, поддерживающими Шумахера. Дело доходило до оскорблений и даже драк. Профессора Академии подали на

Михаила Васильевича коллективную жалобу, в которой изъясляли сильное недовольствие оскорблениями Ломоносовым профессора Винсгейма, а также оскорблениями всех немцев по причине задержки ему роста в чине. Ломоносов был взят под стражу, там он написал известное переложение в стихи 143-го псалма царя Давида, который писался накануне поединка со злым противником, великаном Голиафом, что было символично, учитывая противостояние нашего великого учёного с немцами. Вскоре из Сената пришло постановление помиловать Ломоносова, однако обязав его просить прощения у профессоров Академии, а также ограничив его в жаловании вдвое на целый год. Ситуация с арестом разрешилась довольно благополучно, да и ограничение в жаловании сняли через полгода, но, как отметил один из известных биографов Михаила Васильевича — это была «последняя вспышка его молодости».

Несмотря на первоначальные трудности, Ломоносов, ещё не получив должности адъюнта, сразу окунулся в работу в Академии. Он выступил с предложением учреждения в России собственной химической лаборатории и начал читать лекции по химии, физике и истории натуральной о минералах, а также «стихотворству и штилю русского языка» в Академической гимназии для всех желающих. Он написал вступительную часть своего большого труда «Первые основания металлургии, или рудных дел», работы «О слоях земных», «О вольном движении воздуха, в рудниках примеченном» и другие научные статьи. В этом же 1741 году он написал диссертации по оптике, физической химии, математической химии, составил каталог камней и окаменелостей Минерального кабинета Академии наук. Не оставил Михаил Васильевич и од, среди которых — ода на воцарение Елизаветы Петровны, ода на прибытие из Голштинии наследника престола Петра Федоровича. Кроме того, он ещё и успел проявить мужество при борьбе с пожаром в Кунсткамере.

В 1745 году Ломоносов, приложив список своих работ по химии, подал прошение о назначении его профессором химии. В 1746 году Собрание академиков одобрило прошение и уведомило в том сенат, который и произвёл назначение Михаила Васильевича в новую должность. Параллельно этому на должность адъюнта был назначен Степан Петрович Крашенинников, знаменитый исследователь Камчатки, а также на должность профессора — известный поэт и переводчик Тредиаковский. Таким образом, в Академии наконец появились первые русские профессора, в дальнейшем их число стало только расти, и этому, разумеется, способствовало появление Московского университета. В течение долгого времени у Академии отсутствовал президент, поэтому, как уже упоминалось ранее, всеми делами в ней заведовал секретарь Канцелярии Шумахер, но в 1746 году был назначен новый президент, восемнадцатилетний граф Розумовский. Всё это время Михаил Васильевич со своей семьёй жил в академической квартире в доме генерала Бона, откуда переехал уже в собственный дом на набережной реки Мойки в 1757 году. Стоит упомянуть, что с тридцати восьми лет Ломоносов страдал тяжёлой болезнью ног, несмотря на которую обладал огромной силой духа, его энергии хватало

на многое и хватило бы на ещё большее, но ему мешали. Из-за этого он стремился к повышению в должности, чтобы иметь больше независимости, и добился назначения советником Академической Канцелярии в 1757 году. Находясь на этом посту, он с большим рвением стал обнаруживать недостатки в работе Канцелярии, и в марте 1758 года президент Академии поручил ему смотрение за академическими делами, «до наук надлежащими». В том же году граф Розумовский поручил Ломоносову курировать гимназию и университет. Михаил Васильевич даже предлагал ввести должность вице-президента Академии и сам был намерен её занять, но тут ему не помогли даже влиятельные покровители, И.И. Шувалов и М.И. Воронцов. Тем не менее, его влияние уже достаточно возросло, и для полной независимости ему необходимо было подняться в чин статского советника (военный ранг бригадира, пятый класс в Табели о рангах). Ломоносов был назначен директором географического департамента Петербургской Академии наук, а также избран в Шведскую академию наук. Вместе с тем, ещё задолго до назначения Ломоносова на все эти должности, великий Леонард Эйлер отмечал, что занятие этих должностей Ломоносовым будет очень полезным, но вместе с тем оно будет сильно мешать его научной деятельности. Так и случилось, административная работа отнимала много времени у Ломоносова, но, не знавший праздности, он всё равно находил время на науку.

За этот период жизни Ломоносов успел создать наиболее важные и значительные свои работы, перечислим лишь особо значимые. В течение 1744 года он провёл ряд успешных экспериментов по химии, что описал в своей диссертации, также создал работу «Физические размышления о причинах теплоты и холода», в которой выступил против господствующей тогда теории теплорода. Эти работы и позволили ему занять должность профессора химии. В 1748 году он добился открытия химической лаборатории и с этого момента явил себя как гениальный учёный-энциклопедист. В этом же году он сформулировал «Всеобщий закон природы» — закон сохранения материи и движения; закон сохранения массы он подтвердил экспериментально, проводя реакцию Бойля в закрытой пробирке.

В 1751 году Ломоносов стал чиновником VII класса, получив дворянский статус, и в этом же году выступил с известной речью «Слово о пользе Химии» перед широкой аудиторией, в которой весьма красноречиво показал важность химии, при этом отметив и важность всех остальных наук. В своём письме к Шувалову в 1753 году Михаил Васильевич упоминал, что в свободное от работы в лаборатории время вместо положенного отдыха занимался работой над «Древней Российской историей», заказанной ему самой императрицей. В этой работе он вел непримиримую борьбу с идеологами «норманизма» в русской истории. Ломоносов являл собой пример человека, всячески устранившегося от праздности. Так, в 1751 году из печати вышло его «Собрание разных сочинений в стихах и прозе...», а в 1752 году была закончена его первая мозаичная картина — образ «Богородицы», написана трагедия «Демофонт» и сочинено поэтическое «Письмо

о пользе Стекла». В этом же 1752 году он открыл под Петербургом фабрику по производству цветного стекла и мозаичной смальты. Не забывая об общественных науках, Михаил Васильевич снял копию с арестованной рукописи первого русского экономиста И.Т. Посошкова под названием «Книга о скудости и богатстве». В 1753 году он занимался опытами по изучению атмосферного электричества, выдвинул гипотезу о родстве с молнией сияний, происходящих вблизи полюсов в верхних слоях атмосферы. В 1754 году у себя в доме он устроил самопишущую метеорологическую обсерваторию, о чём упомянул в письме Леонарду Эйлеру. Также, начиная с 1754 года, Ломоносов стал пионером в освоении севера, создав несколько трудов, среди которых работы о классификации морских льдов, о происхождении ледяных гор в северных морях и главный труд — об освоении Северного морского пути, реализация которого стала осуществляться только в двадцатом веке, но особенно актуальна в настоящее время. С 1758 года Ломоносов курировал гимназию и университет, и если за семь лет до его руководства в студенты из гимназии не было произведено ни одного человека, то за семь лет его руководства в студенты было произведено 22 человека. В 1759 году Михаил Васильевич закончил свою «Древнюю Российскую историю», а в 1760 году резюмировал её первую часть созданием «Древнего российского летописца с родословием». В период с декабря 1760 по июль 1761 года в свет выходят две части героической поэмы «Петр Великий». В 1761 году Ломоносов написал известный труд «О сохранении и размножении российского народа», приступил к созданию самой значительной и последней своей мозаики «Полтавская баталия».

В этом же году он выступил как астроном, наблюдавший прохождение Венеры через диск Солнца и опубликовавший результаты наблюдений в известной статье «Явление Венеры на Солнце». Продолжая заниматься оптикой, в 1762 году Михаил Васильевич создал зеркальный телескоп с новым типом отражателя, идею которого изложил в труде «Химические и оптические записки». За это изобретение он заслужил в 20 веке похвалы от знаменитого русского учёного С.И. Вавилова.

После смерти Елизаветы Петровны и кратковременного царствования Петра III при очередном дворцовом перевороте на престол в 1762 году вошла Екатерина II. При ней покровители Ломоносова Шувалов и Воронцов уже не имели прежней силы. Сам Ломоносов тяжело болел, но к её восходу на трон он подготовил оду, в которой было мало славословия, но было наставление и возведение в пример Елизаветы Петровны.

Назначение преемника Шумахера Тауберта в чин статского советника сильно огорчило Ломоносова, который в своём письме Воронцову заметил, что бороться больше не может, и он подал в отставку с просьбой о повышении в чине на два ранга, то есть до действительного статского советника, и пожизненной пенсии в 1800 рублей в год. Отставка уже была подписана, но на куда более скудных для Ломоносова условиях, однако активное заступничество со стороны графа Г.Г. Орлова убедило императрицу отменить отстав-

ку, и в результате Ломоносову был пожалован чин статского советника и жалованье в 1875 рублей в год. В том же 1762 году в академическом университете были проэкзаменованы семнадцать студентов — небывалое до того времени число, — получивших хорошие отзывы профессоров. Ломоносов гордился этим, его мечта создать школу национальных научных кадров начинала сбываться.

В 1763 году Ломоносов был избран в почётные члены Петербургской академии художеств, а на следующий год, окончив «Полтавскую баталию», был уже избран членом Болонской Академии наук. Незадолго до избрания в зарубежную Академию он успел составить отчёт о завершённых и незавершённых научных и литературных работах. Среди неоконченных можно выделить три — «Российская история», «Испытание причины северного сияния и других подобных явлений» и «Система всей физики». В 1764 году императрица лично посетила его дом и мастерскую, где долго беседовала с ним. Екатерина стала проявлять внимание к полезным для государства проектам и предложениям Ломоносова, особенно к северному вопросу. В 1765 году Ломоносов за месяц до своей кончины составил план беседы с Екатериной, но встретиться им не пришлось. В этом кратком плане проявляются со всей искренностью страдания русского гения, его надежды и желания, но заканчивается он пророческим утверждением: «знаю, что обо мне дети Отечества пожалеют». Ломоносов скончался 4(15) апреля 1765 года.

Ломоносов был настоящий русский гений, который всем сердцем любил свою Родину, прилагая все усилия для её укрепления и просвещения. Это человек, который жертвовал собой ради других людей, как живущих в его время, так и для потомков. Во всех делах он стремился следовать заветам Петра I, дабы страна наша приросла и духовно, и материально, причём за счёт своих национальных кадров.

Мне кажется, что в наше непростое время — время неприязненного отношения Запада к России — Ломоносов выходит на первый план как пример достижения больших результатов своими силами в условиях постоянной борьбы с неприятелем, при этом сохраняя оптимизм, ведь Михаил Васильевич всегда имел чёткие цели и задачи и достигал их, никогда не унывая.

Так будем же следовать примеру основателя нашего университета!

Сергей Круглихин, 630 гр.

**ФРАГМЕНТЫ ВЫСТУПЛЕНИЯ В.К. НОВИКА
НА РАДИО В ПРОГРАММЕ «РУССКИЙ МИР»
22 СЕНТЯБРЯ 2011 Г.**

«Здравствуйте, дорогие друзья! Вы слушаете программу «Русский мир». Я, Любовь Курьянова — ведущая. Сегодня наш эфир посвящен великой, знаковой личности российской истории, образования и науки Михаилу Васильевичу Ломоносову. Это имя у нас ассоциируется с физикой, химией. Но, к сожалению, представление о Ломоносове как о многогранном творческом человеке, прекрасном поэте и великом филологе не является широко распространенным. Исправить ситуацию в преддверии 300-летнего юбилея мы и попытаемся вместе с гостем моей студии. Это Виталий Константинович Новик, доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник кафедры общей физики и волновых процессов физического факультета МГУ им. Ломоносова, лауреат Государственной премии Советского Союза и автор книги «Михаил Ломоносов, личность и образы».

— *Здравствуйте, Виталий Константинович!*

— *Здравствуйте!*

— *Ну что же, давайте начнем сразу с Вашей книги. До эфира мы обсуждали, что Вы в своей книге защищаете Ломоносова. От кого? Кто нападает на великого ученого?*

— *Здесь ситуация такая. Ломоносов действительно — это знаковая фигура. Ломоносов является объектом наблюдений, исследований и восхищения в течение двухсот с лишним лет. О нем писали многие авторы. Естественно, в своем стремлении найти что-то новое в этой яркой личности они очень часто опускали то, что было свойственно ему, или, скажем прямо, приписывали не свойственное ему, или, скажем так, вольно толковали его научные положения. И в результате этих самых лучших побуждений, Ломоносовская фигура оказалась сейчас крайне уязвимой. Почему? Потому что сейчас фигура изучена практически с исчерпывающей полнотой. И уже появились, не буду давать им рекламу, книжки и книжечки пасквильного содержания, которые в любимом сейчас направлении, срывают покровы, «открывают» истинное состояние дел и прочее. Как говорится, похвалы были не по уму, но из лучших побуждений, заметим себе. И, конечно, все это было прекрасно известно историкам. Но ни у кого даже мысли не было, чтобы покуситься на авторитет этой фигуры. И сейчас мне пришлось этим заняться по одной-единственной причине — ведущие ломоносоведы в силу естественных обстоятельств ушли из жизни, людей, интересующихся исследованием истории Академии наук XVIII века, можно буквально пересчитать по пальцам, и поэтому я рискнул написать эту книгу для того, чтобы показать, чем же велик Ломоносов в общем. Не в частностях, которыми оперировали очень и очень многие авторы, а именно в целом.*

— *Виталий Константинович! Перед тем, как я перейду к ряду других вопросов, напомню, что наша программа сегодня посвящена 300-летию со дня рождения великого ученого Михаила Васильевича Ломоносова, и давайте*

поговорим, чем же он действительно был велик, то о чем как раз и написано в вашей книге.

— Ломоносов неоднократно обсуждался, деятельность Ломоносова неоднократно обсуждалась с самых разных позиций, как правило, полярных, можно привести массу тому примеров. Обсуждалась его поэтика, его гуманитарные и научно-естественные труды, обсуждалась его жизнь, личная жизнь, там есть что обсуждать, она была исключительно интересной и насыщенной. Но кто-то, когда-то должен был сформулировать, я бы сказал, одной фразой, в чем же он был по праву и бесспорно велик, подчеркиваю, бесспорно велик.

В том, что он сумел переломить русское национальное самосознание с векового чувства собственной неполноценности к обоснованной гордости великого народа. И значимость этого подвига, а это действительно подвиг, непреходяща в веках. Частности же жизни Ломоносова остаются не более, чем штрихами его биографии.

И вот здесь следует подчеркнуть, что именно поэтому, за эту заслугу, за это ярко выраженное направление его творчества, его буквально боготворили при жизни. И здесь очень интересно задать вопрос и ответить на него: когда же и почему, и это очень важно понять, как, кем и по каким причинам был создан культ имени Ломоносова? Он действительно был создан. И, действительно, обстоятельства вынудили его создать, и не просто вынудили. Россия требовала создать этот культ. Почему, в самом деле, этот статский советник не оказался в забвении после последующих громких поэтических имен? Чем он оказался выше, чем он оказался ценен для народа?

— Я надеюсь, Вы ответите на эти вопросы.

— Да, конечно. Ломоносов узким слоем русского образованного общества был, в буквальном смысле, боготворен. Для того, чтобы понять почему это было так, нужно вернуться в XVIII век и воспринять ту обстановку, которая была характерна для России. **Любые события, любые их оценки, безусловно, должны даваться применительно к конкретной реальной обстановке, когда эти события происходили.** И вот здесь я рискну привести довольно рискованный пример. Если я выну изо рта вот этот вот кусочек сахара и предложу его Вам, то Вы пожмете плечами и покрутите пальцем у виска, и будете правы. Безусловно будете правы. А вот в блокадном Ленинграде, этот кусочек сахара, переложенный изо рта в рот, спасал жизнь.

И вот по этим причинам давайте теперь вернемся в XVIII век, посмотрим, что представляла собой Россия первой половины XVIII века, и что же, собственно говоря, сделал Ломоносов. Почему он был боготворен.

Сразу же скажем, что общий интеллектуальный фон России характеризовался уровнем грамотности населения 2, максимум 3 процента. Т.е. страна была поголовно неграмотной. Узкий образованный слой — это, в основном, духовенство и высшее дворянство. Даже елизаветинский двор наполовину был неграмотным. Это трудно сейчас представить себе, такие условия.

— Это удивительно, конечно.

— Но об этом писала Екатерина II, причем писала так, походя, как о констатации фактов. Для сравнения, в протестантских землях Германии грамотным было уже свыше половины населения и во всех европейских странах уже сотни лет существовали университеты.

Так что роль Ломоносова в истории отечественной науки следует рассматривать, естественно, по меркам его времени с учетом тех факторов, о которых я только что сказал. Заметим себе, что профессором Императорской Академии наук он стал в 1745 году, когда Академия насчитывала всего лишь 20 лет отроду и не имела ни традиций, ни сколь либо постоянного состава. Академия по регламенту 1747 года должна была иметь 9, подчеркиваю, всего 9, академиков, которые должны были представлять весь спектр наук. Русских среди них было 2 или 3 человека, людей, бывших, по нашим меркам, недостаточно, не полностью профессионально подготовленных. И вот появляется эта фигура, появляется фигура грандиозная. Причем с чем приходит эта фигура? Эта фигура приходит, владея тем оружием, которого не было ни у кого. Этот русский архангельский мужик владеет, и мастерки владеет, новым словом. Он привнес язык, который стал строг, отчетлив, звучен и понятен. И вот это Слово он использует для возвеличивания России. Другого такого просто не было, это феномен. И вот его язык, его стихи начинают привлекать к нему, в первую очередь, тот самый крайне узкий просвещенный слой, причем его высокооплавленную часть, который начинает оказывать ему всяческую поддержку. Причины — примитивны. Сам по себе этот слой на фоне Европы чувствовал себя ущемленным и, прямо скажем, испытывал чувство собственной неполноценности. И вот этот человек становится ученым, по собственной воле пройдя через ряд испытаний, и становится одним из тех двух-трех профессоров Императорской Академии. Какова же была задача этих первых двух-трех русских? Эти двое-трое русских и пять-шесть иностранцев и были тем, что мы назвали бы складывающимся научным фоном России. Непреходящая заслуга этих двух-трех человек состоит в том, что они доказали главное, что было вообще недоказуемо, но было сделано ими — **РУССКИМ ВООБЩЕ ЕСТЬ МЕСТО В НАУКЕ**. Сейчас это кажется диким, сейчас это кажется очевидным, сейчас обратное кажется невероятным.

— Я думаю, что и тогда в мировом сообществе это было действительно дико.

— Дико, конечно. И вот эта тройка доказывает своими работами, доказывает, что русским есть место в науке. Место, естественно, поначалу скромное. Они должны были подняться до европейского уровня. Их научные заслуги, в общем и целом, для истории вторичны. Но, как писали в XVIII веке, и позднее в XIX-м, «их тщания побудили биение отечественной научной мысли, по началу не всегда удачное, но уже неувыдаемое». И вот в этом слове «неувыдаемое» — главное. Именно они своим примером привлекли в науку и взрастили следующее поколение соотечественников, академиков по широчайшему спектру специальностей. Уже второе поколение русских ученых уверенно вышло на европей-

ский уровень, третье поколение взрастило ученого мирового уровня — Лобачевского.

— *Виталий Константинович! У меня сразу отсюда вопрос. Так как Ломоносов был яркой фигурой, я думаю, что не заметить этого не могли многие. Наверняка у него были враги, соперники, люди, которые завидовали. Что-то об этом известно?*

— Да, естественно, конечно. Я еще раз подчеркиваю, что ломоносовская биография изучена практически с исчерпывающей полнотой. Если говорить о врагах, то, естественно, можно оперировать массой вырванных из контекста цитат, но здесь следует иметь ввиду, что в том мире, в котором он жил, исключительно дружественной атмосферы и не могло быть. Но следует иметь ввиду, что все эти противоречия носили отнюдь не национальный характер. По одной единственной причине. И его жена была немка, т.е. отнюдь не славянских корней, и его друзья по Академии были немцы. В основном разногласия носили, я бы сказал так, организационный характер, ну а разногласия с учеными уже носили характер более существенный — это разногласия хорошо подготовленных европейских профессионалов, или русских, подготовленных в европейских университетах, с первыми русскими учеными. Т.е. демонизация врагов, эта, я бы сказал так, достаточно избитая тема. Мне представляется она сильно преувеличенной.

Далее, если Вы позволите, я бы хотел подойти вот к чему — все-таки вернуться к тому, кто сделал Ломоносова национальным героем и почему?

— *Кто же это был?*

— Я думаю, что Вы сами сумеете догадаться — это была Екатерина II. Ее государственный ум, ее государственная мудрость поняла, что **Россия нуждается в человеке, вся жизнь которого может быть по праву, без фальши изложена будущим поколениям.** Именно эта причина и сохранила, собственно, для нас имя Ломоносова, которое не оказалось затененным другими именами в науке, поэзии и другом. Ситуация, которая способствовала этому, сложилась к 1782 году, когда в стране начала создаваться, впервые в истории, государственная система школ. И эта государственная система школ, до недавних еще пор лучшая в мире, она практически сохранилась на тех принципах, которые были в нее заложены, эта система школ предусматривала не только образование учащихся, но и воспитание, в отличие от того, что делается сейчас. Воспитание, естественно, патриотических чувств, подчеркиваю, уже в то время размышляли на эту тему, и среди патриотических чувств, естественно, любовь к родине, которую олицетворяла любовь к монарху. И, конечно, складывающийся учительский корпус, целым рядом документов был ориентирован на то, чтобы пропагандировать и приводить примеры лучших людей России, которые составили славу России. Но следует вдуматься, эта немка на русском троне впервые сформулировала идею поддержки русских национальных героев. И далее зададимся вопросом — на военной и административной стезе этих героев бесчисленно много, их можно долго перечислять. А на гражданской стезе? XVII век породил гражданина Ми-

нина и гражданина Сусанина, отдавшего «жизнь за царя». Все помнят эту оперу Глинки. Кого же может предложить XVIII век? XVIII век может назвать только одну яркую фигуру, которая может стать эталоном жизненного поведения молодых людей. Это — Ломоносов. Вся его жизнь, вся его биография может быть подана по праву, без фальши, молодому поколению. Подана как образец, как эталон, причем главным в этом является, естественно, тяга к знаниям, стремление к самосовершенствованию.

— Вот, вкратце, о биографии, потому что я думаю, что многие не помнят, кто-то забыл о Ломоносове. Да, какие-то яркие моменты, сын крестьянина, я не знаю там, как пришел в университет, вообще это будет интересно, поскольку Вы как раз говорите, что это образец для подражания, вот давайте этот образец, наверное, и озвучим.

— Конечно. Вы, безусловно, затронули очень важный момент, который должен быть акцентирован обязательно, непременно, о том, где же был момент истины в жизни Ломоносова.

Итак, представим себе, крестьянский сын, недюжих талантов, которому была уготована привычная судьба, сходит со своей стези. У него был очень зажиточный отец, он имел два корабля, это был промышленник, достаточно преуспевающий, заметим себе, — неграмотный. Это к вопросу о двух процентах. И вот он посылает сына в Москву, я бы сказал так, по совершенно понятному поводу, ну должен же кто-то вести делопроизводство, развивать наследие. Этот сын приходит в Москву (он отнюдь не бежал в Москву, как говорили об этом легенды, сейчас мы скажем, откуда родились эти легенды) и вот, вместо того, чтобы чуть-чуть поучившись вернуться назад, он вдруг совершает совершенно неожиданный поступок — он объявляет себя дворянином и поступает в славяно-греко-латинскую академию. Мы должны понять, что значило объявить себя дворянином. Это значит сознательно пойти на риск допросов с пристрастием: «Ты с какой корыстью дворянином назвался? Ты пошто туда пошел?». Допрос не просто с пристрастием, это допрос с дыбой и кнутобойством. И вот человек идет туда, поступает туда, и, пока его еще не разоблачили, и ради чего, ради какой корысти — только ради получения знаний. В XVIII веке это было совершенно непонятно, это был ярчайший поступок, это был действительно момент истины в жизни Ломоносова. Никаких примеров до и после, в ближайшее же время, не было.

То есть человек идет на риск ради знаний. И вот это стало самой яркой чертой биографии Ломоносова. Оно стало самой привлекательной чертой, которую можно было доносить до юных поколений сколько угодно. И мы выросли именно на этом примере, т.е. на тяге к знаниям даже ценой жертвенности. И далее нужно говорить, как этот двадцатилетний парень начинает учиться с какими-то детьми 12-13 лет. Он начинает изучать латынь, он начинает изучать философию, он начинает изучать греческий язык, он начинает изучать стихотворство, и все с упоением, с жадностью. Ну а Вы можете себе

представить картину, чтобы 20-летний мужик учился вместе с 12-летними детьми?

— *С трудом.*

— С трудом. Но в этом и было проявление вот этого стремления, это было проявление какого-то божьего дара к познанию. И он вдруг проявляет совершенно неожиданный талант. У него проявляется колоссальная склонность к изучению языков, в частности, потом, когда он попал в Германию, немецкий он освоил лучше немцев. И так он в совершенстве познает латынь, изучает греческий. В это же время, где-то в 1735 году, когда он еще не окончил славяно-греко-латинскую академию, Академия наук в Петербурге начинает набор студентов.

И вот тут мы должны поговорить еще об одном, т.е. перейти к тому, от чего мы несколько отвлеклись, Почему именно Ломоносова Екатерина II выбрала как образец человека, которого можно подать как национального героя. Там не было какого-то особого анализа этой личности, было собственное восхищение императрицы его поэтическим даром. Екатерина II, встав на стезю литературного творчества на русском языке... (должен напомнить, что она написала великолепную работу «О Российских сочинениях и Российском языке». Интересно, кто из нынешних руководителей в состоянии написать работу «О русском языке и красноречии?»).

— *Я думаю, немногие.*

— Поразительно, что эта работа Екатерины II как-то не нашла отзвука, хотя работа исключительно увлекательная. Там звучит, она вся пронизана глубочайшим уважением

К русской лексике, к русскому слову, к его выразительности, к его умению убеждать, к его умению, я бы сказал, быть исключительно гибким. Ну, опять вернемся к Ломоносову, на нем можно говорить и о любви, говорить о чем-то добром, говорить с врагами, убеждать и вести за собой. Напомню, что «Слова в России — больше чем слова», вряд ли кто-то знает, кто высказал этот афоризм. Напомню еще одно: «Словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки с собой повести...».

Екатерина II оценила дар слова Ломоносова. Сама она не могла писать стихов, и когда она писала свою пьесу «Правление Олега», Вы только вдумайтесь, она, императрица, вводит в текст стихи Ломоносова. Что означало для людей признание Всевысочайшего соавторства? Так, на секундочку, вдумайтесь. Что может быть выше оценки человека, которого императрица берет в соавторы. И вот это

— *Нет, это откровение.*

— Да. И вот это и обусловило ее, я бы сказал так, высочайшее уважение к этой личности.

Апогеем этого уважения было то, что она приказала, нет, повелела, повелела, создать бюст Ломоносова, его земляку, скульптору Федору Шубину, и, что выразительно, этот бюст Екатерина II поставила в Камероновой галерее Царскосельского дворца среди античных героев.

Содержание

Наследие Петра Великого и Ломоносов (№1 (142), 2020)	4
От редактора «Советского физика»	10
Труженик о труде (№1 (54), 2007).....	11
Ломоносов и Северный морской путь (№5 (58), 2007).....	17
Василеостровцы спасли лабораторию Ломоносова (№3 (63), 2008).....	21
За честь отечественной науки, или отморозок в поисках ледяной свежести (№4 (64), 2008)	22
Наша история (№9 (69), 2008, фрагменты).....	25
«Михайло Ломоносов» (№5 (74), 2009)	26
Михаил Васильевич Ломоносов (№8 (77), 2009)	27
Вечер, посвященной поэзии М.В. Ломоносова (№3 (80), 2010)	28
М.В. Ломоносов — создатель Московского университета (№5 (82), 2010)	32
Ломоносов — это наше все (№6 (83), 2010).....	36
М.В. Ломоносов в Москве (№7 (84), 2010).....	41
Образ Ломоносова и Советская власть. Октябрь 1917–июнь 1941 (№1 (85), 2011).....	49
Образ Ломоносова и Советская власть. Июнь 1941–ноябрь 1986 (№2 (86), 2011)	57
Встреча с М.В. Ломоносовым в Корпусе нелинейной оптики (№3 (87), 2011).....	65
Образ Ломоносова в условиях возрожденного капитализма (№3 (87), 2011)	65
Студенческая конференция, посвященная 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова	69
Слово о М.В. Ломоносове как исследователе «недра земного»	70
ССО на родине М.В. Ломоносова	74
Ломоносов и традиции российского образования: послание из XVIII века (№2 (93), 2012).....	77
Работы М.В. Ломоносова по электричеству (№2 (99), 2013).....	85
Великому от Великой: как Екатерина Великая причислила М.В. Ломоносова к сонму великих (№4 (101), 2013)	87
Памятник Ломоносову (№1 (98), 2013).....	89
Михаил Васильевич Ломоносов на Малаховом кургане! (№4 (107), 2014).....	90
Памяти Михаила Васильевича Ломоносова (№6 (115), 2015)	92
Фрагменты выступления В.К. Новика на радио в программе «Русский мир» 22 сентября 2011 г.	98